

НОВАЯ КНИГА

Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20 - 40-х гг.¹

Офицеры и командующие²

25 апреля 1928 г. в Брюсселе умер генерал П.Н. Врангель, последний главнокомандующий русской армией.

19 июля, менее, чем через три месяца, в Берлине увидела свет 1-я часть его “Записок”, а 25 сентября – 2-я, опубликованные генералом А.А. фон Лампе в V и VI сборниках “Белое дело. Летопись белой борьбы”.

“Записки” Врангеля с одинаковым усердием штудировали, толковали, а то и просто переписывали как его хвалители, так и хулители. Но если кто из них и заметил, то никто до сих пор не потрудился, во всяком случае печатно, прояснить одну интригующую странность.

В предисловии “От редакции”, предваряющем 1-ю часть “Записок”, фон Лампе пишет: “...В феврале 1928 года... генерал Врангель принял решение окончательно подготовить свою рукопись к печати. Для этого вся работа была вновь пересмотрена Главнокомандующим... и была сокращена примерно на 1/8 своего объема”. И далее: “Кроме того экземпляра рукописи, который был передан в летопись, существовал второй, в котором сохранено все то, что было изъято из рукописи во время переработки ее в феврале 1928 г. Экземпляр этот хранился в личном архиве генерала Врангеля”.³

В архиве Врангеля, с 1929 г. хранящемся в библиотеке Гуверовского института, упомянутый фон Лампе полный рукописный эк-

землярь “Записок” отсутствует. Потомки генерала оригинальным текстом считают тот, что был опубликован в “Белом деле”.

“Примерно 1/8 объема” означает, что из оригинального текста было изъято и не опубликовано в 1928 г. 150 – 160 машинописных страниц. По меньшей мере странным кажется то, что до сих пор никто не обнаружил и не предал гласности этот несомненно ценный исторический материал. И уж совсем интригует прошедшее время, в котором фон Лампе говорит в предисловии о “втором” полном экземпляре рукописи – “существовал”, “хранился”...

Судьба “Записок”, которую удалось прояснить благодаря материалам личного архива фон Лампе, оказалась не менее трагичной, чем судьба их автора.

Когда и как работал Врангель над своими мемуарами, фон Лампе узнал в феврале 1928 г. в Брюсселе от самого главнокомандующего. И в предисловии, как он уверял его мать – баронессу М.Д. Врангель, он “пытался дать верную картину того, как писались “Записки””⁴.

“После каждой главы записок приведены даты, указывающие на день, когда каждая глава была закончена. Отсюда видно, что, начав писать первую главу на яхте “Лукулл” и закончив ее к 28 июля 1921 года, генерал Врангель кончил последнюю главу своих воспоминаний уже в Сербии, в Сремских Карловцах, 30 декабря 1923 года.

Материал для каждой главы подготовлялся, по указаниям автора, его личным секретарем Н.М. Котляревским, изучался и продумывался генералом Врангелем, который потом диктовал текст главы своему секретарю и после того еще несколько исправлял написанное...”⁵

Нарисованная фон Лампе “верная картина” не дает ответа на самые важные вопросы. Что представлял из себя первоначальный текст? Каков был его объем? Какова судьба рукописных правок и вставок самого главнокомандующего?

Обращает на себя внимание то, что главы I, II и III части 2-й не датированы и в предисловии это никак не объясняется. Это сразу заметила мать покойного главнокомандующего, которая хорошо знала, какое значение ее сын придавал датировке своих записок. В письме фон Лампе от 19 августа 1928 г. она передала свой разговор с сыном, который состоялся в 1926 г.: “Я спросила его относительно дат, не изменит ли он? Он определенно ответил мне: я хочу, чтобы знали, что они написаны до (Подчеркнуто М.Д. Врангель. - *Авт.*) Деникинских записок, а не то, чтобы я оправдывался как бы на его обвинения”.⁶

Объясняя отсутствие дат под главами, в которых описываются события марта - апреля 1920 г., когда генерал Врангель вступил в командование ВСЮР, фон Лампе писал баронессе: “Все даты в конце глав мною сохранены, кроме тех, которые он выделил в феврале и под которыми ничего не проставил”.⁷

К сожалению, дневник и другие материалы личного архива фон Лампе не содержат информации, которая позволила бы понять точный смысл этой фразы. Можно предположить, что Врангель оставил эти главы у себя в Брюсселе для более тщательного редактирования и позже переслал их в Берлин. Однако никаких сведений о такой дополнительной пересылке не обнаружено.

В архиве фон Лампе сохранились последние страницы глав “Записок”. Эти страницы представляют собой машинописный текст, правленный рукой Врангеля. Каждая страница заканчивается написанными его же рукой датой и местом окончания главы.⁸

В одном случае - в III главе 1-й части (“На Москву”) - датировка явно ошибочна. В опубликованном тексте “Записок” в конце главы указано: “21 января 1921 г. Константинополь”.⁹ Эта датировка, во-первых, противоречит утверждению фон Лампе, что работа над воспоминаниями началась только летом 1921 г. Во-вторых, Врангель реально не мог начать эту работу сразу после эвакуации в Турцию зимой 1920/21 гг., поскольку все его силы и время уходило на размещение эвакуированных частей, устройство беженцев, их снабжение и т.д. В-третьих, все главы писались в строгой хронологической последовательности и III глава никак не могла быть написана раньше I и II.

Сохранившаяся последняя страница главы “На Москву” с автографом Врангеля не вносит полной ясности, поскольку год - “1921 г.” - написан его рукой весьма небрежно: последняя цифра “1” может быть принята как за “1”, так и за “2”.¹⁰ Остается непонятным, почему вопреки логике фон Лампе при подготовке текста к печати принял ее именно за “1”. Он не мог не прийти к выводу, что в данном случае Врангелем допущена небрежность или описка (в результате, например, торопливости или рассеянности, вызванной болезнью). Во всяком случае, фон Лампе при подготовке текста к набору поставил явно ошибочный год - 1921-й вместо 1922-го.

Другая ошибка при издании “Записок” была допущена в датировке V главы 2-й части (“Вперед”) - “4 июня 1925 г.”.¹¹ На сохранившейся последней странице машинописного экземпляра этой главы рукой Врангеля последняя цифра года - “3” - написана опять-таки очень небрежно и даже не проставлено “г.”.¹² Как и в случае с III гла-

вой 1-й части, фон Лампе вопреки логике предпочел ошибочное внешнее сходство написанной Врангелем цифры “3” с цифрой “5”.

IX глава 2-й части (“За Днепром”) датирована “22 декабря 1923 г.”¹³, хотя в машинописном экземпляре рукой Врангеля ясно написано: “22 ноября 1923 г.”¹⁴ Возможно, фон Лампе сам исправил “ноябрь” на “декабрь”, поскольку предыдущая глава датирована 26 ноября 1923 г. Не исключено также, что в данном случае имела место невнимательность редактора или наборщика.

В целом можно сделать вывод, что, несмотря на невыясненность некоторых деталей и очевидные случаи ошибок при датировке, мы располагаем вполне достоверными сведениями о времени и месте работы автора над “Записками”. Генерал Врангель начал работу в конце весны 1921 г. в Константинополе и завершил ее в декабре 1923 г. в Сербии.

В связи с датировкой обращает на себя внимание одно интересное, хотя и печальное обстоятельство. I глава 1-й части (“Смута и развал армии”) была написана на борту яхты “Лукулл”, и работа над ней завершилась 28 июля 1921 г. Работу над II главой (“Освобождение Северного Кавказа”) Врангель начал также на яхте “Лукулл”, стоявшей на рейде Босфора, где жил он сам, размещалась его личная канцелярия и где, видимо, хранились какие-то материалы главного штаба ВСЮР, вывезенные из Крыма и использовавшиеся в качестве документальной основы для воспоминаний. 15 октября 1921 г. яхта “Лукулл” была протаранена итальянским пароходом “Адрия” и затонула вместе с частью документов. Однако к этому времени работа над II главой, вероятно, была в основном завершена, и текст этой главы не был утрачен в момент гибели яхты. Об этом свидетельствуют время и место окончания работы над II главой, указанные в конце: “24 октября 1921 г. Константинополь”.¹⁵ Следовательно, есть все основания утверждать, что отобранные Котляревским документы, а также надиктованный Врангелем текст и другие подготовительные материалы к этому времени уже были доставлены с яхты “Лукулл” в здание русского посольства в Константинополе, где разместились штаб главкома и состоявший при нем гражданский аппарат.

В целом работа над воспоминаниями заняла у Врангеля два с половиной года. К концу 1923 г. они представляли собой два машинописных экземпляра, напечатанных лично Котляревским на разных машинках. Оба экземпляра были переплетены, о чем свидетельствуют следы клея и брошюровки, оставшиеся на левом поле сохранившихся страниц. На это же косвенно указывает упоминание баронессы М.Д.

Врангель о том, что генерал Врангель, редактируя текст в 1926 г., “измененные страницы вырезал”.¹⁶

Рукописные наброски, сделанные Котляревским под диктовку Врангеля, а также различные рукописные вставки и поправки, которые делал сам Врангель, скорее всего, уничтожались после того, как завершалось печатание окончательного варианта очередной главы. На это указывает факт полного отсутствия как их самих, так и каких-либо упоминаний о них.

Таким образом, хотя Врангель, фон Лампе, баронесса М.Д. Врангель и Котляревский часто называли текст воспоминаний “манускриптом” или “рукописью”, таковая в действительности не существовала.

В первоначальном варианте текст был озаглавлен “Воспоминания. (Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.)” и делился на две части.

1-я часть - 635 страниц - охватила период с ноября 1916 г. по март 1920 г., начиная с событий на Юго-Западном и Румынском фронтах, когда Врангель был произведен в генералы и назначен начальником Уссурийской конной дивизии, и заканчивая отступлением ВСЮР в Крым, когда Врангель был уволен генералом А.И. Деникиным из армии и вынужден был уехать из Крыма в Константинополь. Судя по сохранившемуся титульному листу, 1-я часть поначалу имела название “От Самодержавия до Совнаркома”, впоследствии зачеркнутое.¹⁷ Она состояла из пяти глав: I - “Смута и развал армии”, II - “Освобождение Северного Кавказа”, III - “На Москву”, IV - “Крамola на Кубани”, V - “Развал”.

2-я часть - 626 страниц - получила название “Последняя пядь родной земли” и охватила события с марта по ноябрь 1920 г., начиная с назначения генерала Врангеля главнокомандующим ВСЮР и заканчивая эвакуацией Русской армии и беженцев из Крыма в Турцию. В опубликованном варианте 2-я часть состоит из одиннадцати глав: I - “Смена власти”, II - “Первые дни”, III - “Приказ о земле и волостном земстве”, IV - “Перед наступлением”, V - “Вперед”, VI - “В Северной Таврии”, VII - “На Кубань”, VIII - “Все на Врангеля!”, IX - “За Днепром”, X - “Последняя ставка”, XI - “У последней черты”. Однако, хотя авторское оглавление не сохранилось, есть основания полагать, что в первоначальном варианте 2-я часть состояла из меньшего числа глав – восьми. На последней – 190-й – странице IV главы рукой фон Лампе сделана пометка: “ч. II. гл. 1, 2, 3, 4.”¹⁸ Следовательно, первоначально главы I, II, III и IV представляли собой одну главу, которая по объему значительно превосходила остальные.

Остается неясным, кто именно и когда сделал разбивку первой главы на четыре.

Возможно, ее сделал сам Врангель в июле 1926 г., когда по просьбе фон Лампе отбирал часть своих воспоминаний для публикации в первом сборнике “Белого дела”. Выделив начальный сюжет о своем приезде в Севастополь на заседание военного совета по выборам нового главкома ВСЮР 3 – 4 марта 1920 г., он сделал из него отдельную главу, назвав ее “Смена власти”. А уже затем разбил оставшуюся часть на три главы и дал им названия.

Возможно также, что эту разбивку произвели Врангель и фон Лампе вместе, когда в феврале 1928 г. в Брюсселе редактировали текст с целью его подготовки к изданию полностью в “Белом деле”.

Наконец, такую разбивку уже после смерти Врангеля мог произвести сам фон Лампе, готовя в Берлине 2-ю часть к изданию.

К сожалению, обнаружить документы, однозначно подтверждающие какое-либо из этих предположений, не удалось. Так или иначе, в результате этой разбивки I, II и III главы в опубликованном варианте не датированы.

Описанный выше метод работы решающим образом определил характер и особенности текста воспоминаний. Основа их носит документальный характер, значительное место занимает изложение или цитирование документов оперативного и политического характера. Многие документы приведены целиком. Это позволило автору дать широкую панораму происходившего, во многих случаях досконально осветить не только внешнюю сторону событий, но и вскрыть их подоплеку, аргументировать собственные решения и действия и, наконец, подняться до широких обобщений, что обычно характерно для исследований, а не мемуарной литературы. С другой стороны, воспоминания отличаются крайней сдержанностью и взвешенностью оценок и характеристик событий и лиц и вообще очень скупы на раскрытие внутреннего эмоционального состояния автора в тех или иных ситуациях, что делает их довольно сухими. Несомненно, на стиле сказались и канцелярский слог секретаря Котляревского.

Судя по всему, генерал Врангель не спешил издавать воспоминания сразу после завершения работы. Примечателен сам факт брошюровки с целью их относительно долгого хранения в неопубликованном виде. Почему – точно не известно.

Однако последующие события наводят на предположение: Врангель выжидал, пока Деникин не завершит работу над своими

“Очерками русской смуты”, 1-й том которых вышел в Париже в 1921 г.

Соперничество Врангеля с генералом Деникиным, главнокомандующим Вооруженными силами на юге России в 1919 – марте 1920 гг., их сложные взаимоотношения, обострившиеся порой до конфликтов, не исчерпали себя с окончанием Гражданской войны. В эмиграции они ни разу не встретились, хотя и воздерживались от резких выступлений в адрес друг друга. Однако их окружение продолжало яростно спорить о совершенных ошибках и причинах поражения Белого движения на юге. Проденикински настроенные военные и политики обвиняли Врангеля в подрыве власти Деникина, а сторонники Врангеля упрекали Деникина в том, что тот упорно отклонял стратегические планы своего более способного подчиненного и во всех его действиях склонен был видеть лишь честолюбивые намерения занять пост главкома ВСЮР.

В 1925 г. в Берлине был опубликован 4-й том “Очерков”, в котором Деникин довел свои воспоминания до начала 1919 г. О его усиленной работе над следующим томом (о событиях 1919 – начала 1920 гг.) Врангель узнал, можно сказать, из первых рук. Деникин, проживавший тогда в Венгрии, обратился к фон Лампе, начальнику 2-го отдела РОВС, деятельность которого распространялась и на эту страну, с просьбой помочь получить из архива Русской армии документы за период до марта 1920 г., то есть до его ухода с поста главкома ВСЮР. Врангель, хотя и понимал, что Деникин вряд ли отойдет от своих взглядов на причины, суть и последствия их конфликтов, не считал себя вправе препятствовать работе бывшего начальника. По его распоряжению просимые материалы были Деникину переданы.¹⁹

Предстоящий выход 5-го тома “Очерков” ставил Врангеля в крайне сложное положение: его собственные воспоминания, опубликованные позже “Очерков”, могли быть оценены эмигрантской массой как попытка оправдаться, а недругами всех мастей – использованы как лишний повод позлословить в его адрес. Именно поэтому он сказал матери в начале 1926 г.: “...Я хочу, чтобы знали, что они написаны до деникинских записок, а не то, чтобы я оправдывался как бы на его обвинения”.

Вторая причина, подтолкнувшая Врангеля к публикации, была сугубо материальной. В 1922 – 1923 гг. жалование из опустевшей казны Русской армии иссякло и ее чины вынуждены были добывать средства к существованию собственным трудом, формально числясь в списках частей и военных организаций. У РОВС едва хватало средств

на содержание канцелярии в Париже и начальников отделов в разных странах. Соответственно, в стесненном материальном положении оказался и сам председатель РОВС генерал Врангель со своей семьей – женой Ольгой Михайловной и детьми Еленой, Петром, Натальей и Алексеем.

Фон Лампе, как и другие, кто был близок к Врангелю, высоко ценил его личную порядочность в денежных делах. Таким был и сам фон Лампе, живший в Берлине с семьей на мизерное жалование начальника 2-го отдела РОВС и редактора “Белого дела”. Весьма красноречива запись в его дневнике, сделанная в начале 1928 г.: “Хочу отметить, что ПН неоднократно говорил, что кроме строевых начальников т о л ь к о (Здесь и далее в дневнике разрядка А.А. фон Лампе. – *Авт.*) я один понял его материальное положение и пришел ему на помощь, остальные все время требуют денег...”²⁰

Сведения о том, когда и как Врангель приступил к подготовке своих воспоминаний к изданию, обнаружены в письме его матери генералу фон Лампе от 19 августа 1928 г. Подчеркнув, что лишь ей и секретарю Котляревскому “достоверно известна” история работы над текстом, баронесса Врангель писала: “...Последний год (1926 г. – *Авт.*), когда уехала семья в Бельгию, я тогда оставалась с сыном одна, и вот в долгие зимние вечера он просил меня читать их ему вслух, чтобы он мог бы в виде слушателя обратить на многое внимание в них. Самые главные изменения были сделаны им именно тогда... Многое было им... написано в пылу возмущения, он смягчился, и, слава Богу, ничего исторического (Подчеркнуто М.Д. Врангель. – *Авт.*) не пропало. Это его душевное и только. Я строчка за строчкой знаю, что он вычеркивал... Он многое смягчил в своих исправлениях, он или густо зачеркивал, или вырезал и, во всяком случае, был бы определенно против, чтобы их расшифровывали”.²¹

Действительно, в последних машинописных страницах глав отдельные фразы зачеркнуты слегка и без труда читаются, другие фразы и целые абзацы обведены и густо заштрихованы чернилами так, что прочитать их нельзя. Судя по измененной нумерации, из 1-ой части было целиком вырезано 14 страниц, из 2-ой – 11.²²

Таким образом, в январе – феврале 1926 г., решив опубликовать свои воспоминания, Врангель произвел правку и сокращение текста. Это редактирование коснулось только первого экземпляра и свелось к ликвидации наиболее откровенных характеристик конкретных людей и их поступков. Вряд ли сам Врангель считал, что это было “написано в пылу возмущения”. Скорее всего, он не хотел, чтобы его

воспоминания усугубили раскол и конфликты в среде военной эмиграции, нанесли ущерб его собственному авторитету и вновь обострили споры о его отношениях с Деникиным.

С весны 1926 г. через доверенных лиц Врангель начал искать возможность опубликовать перевод воспоминаний в иностранном издательстве. Узнав, в частности, что его книгой заинтересовалось берлинское издательство “Новак”, он поручил фон Лампе вступить с ним в переговоры о финансовых условиях и сроках издания.²³

Фон Лампе, в 1925 г. затеявший издание мемуарно-документальной серии “Белое дело”, со своей стороны, попросил Врангеля прислать какой-нибудь отрывок для первого сборника. Тот выслал ему в Берлин оглавление всей книги, конец последней главы 1-ой части и начало первой главы 2-ой части, в которых описывалась смена главкома ВСЮР в марте 1920 г. Посетовав, что присланный текст составляет менее одного листа, фон Лампе попытался убедить Врангеля прислать побольше: “...Ваше первое появление в печати было бы по наружному виду обставлено более нарядно”. И далее: “Почему Вы остановились на заглавии “Воспоминания”? С точки зрения читателя и витрины, это очень тяжелое заглавие! Даже такое, как например, “Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.” опять-таки с подзаголовком “Воспоминания” - привлекло бы читателя более. Это, конечно, мое личное мнение...”²⁴

Однако Врангель отказался: “...Ничего более дать не могу, кроме присланной главы”.²⁵

В августе же издательство “Новак” через фон Лампе предложило Врангелю схему выплаты гонорара, согласно которой его размер зависел от реализации тиража. Врангель назвал эти условия “неприемлемыми”: “Мне не столько важен размер будущих возможных поступлений, сколь размер суммы, выплачиваемой при выходе издания. Не откажите выяснить, возможно ли рассчитывать на более выгодные условия”.²⁶

В октябре 1926 г. основанное в Берлине русское издательство “Медный всадник” выпустило I сборник “Белого дела”, куда присланный Врангелем текст вошел под названием “Март 1920 года (Из воспоминаний)”. Одновременно тот же “Медный всадник” опубликовал последний 5-й том “Очерков русской смуты” Деникина. Врангель прочитал обе книги в Брюсселе, куда приехал к семье из Сербии 5 ноября.²⁷

Между тем фон Лампе уже начал переговоры с “Медным всадником” о выпуске полного текста воспоминаний, искал издателей

во Франции, продолжал переговоры с “Новаком” относительно финансовых условий, причем немцы настаивали на том, чтобы перевод на французский вышел не раньше перевода на немецкий. 8 ноября Врангель написал фон Лампе о своей согласии, чтобы французское издание вышло не ранее немецкого. В проект договора с “Медным всадником” он потребовал включить два пункта: право издания на всех иностранных языках и право издания в России остаются за ним. Врангеля особенно волновал исход переговоров с “Новаком”: “Благодарю за переговоры о немецком издании моих воспоминаний. Что может составить в цифрах уплата за первую тысячу? Во что может обойтись перевод и что очистится мне одновременно при выходе издания?”²⁸

Тогда же у Врангеля появилась возможность издать воспоминания в США. 15 декабря 1926 г. в ответ на просьбу фон Лампе скорее выслать текст в Берлин для “Медного всадника” и перевода на немецкий он сообщил: “Посылка рукописи моих воспоминаний задерживается...: я получил сведения, что приобретение воспоминаний американским издательством обуславливается, чтобы труд не появился на рынке на другом языке до заключения сделки, дабы американское издательство могло, публикуя о предстоящем выходе, упомянуть, что воспоминания доселе нигде не появлялись. Жена выезжает в Америку 29 декабря, где и должна заключить сделку, о чем меня телеграфно уведомит... Вы сами понимаете, я не могу не учитывать требования американских издательств”.²⁹

Можно понять Врангеля: с финансовой точки зрения публикация в США была наиболее привлекательной, поскольку экономический кризис в Европе сильно ударил по издательскому делу, особенно по русским издательствам. Выпуская книги мизерными тиражами, они влачили жалкое существование, ибо большинство эмигрантов жило на грани бедности и просто не имело возможности покупать литературу. В январе 1927 г., объясняя причину задержки переговоров с издательством “Новак”, фон Лампе писал Врангелю, что “разговоры и переговоры идут очень медленно”, “все становится сложнее по причине безденежья”, немецкие издательства “сидят без денег”, а издатели полагают, что воспоминания бывшего русского главнокомандующего “не имеют непосредственного интереса для немцев”.³⁰

Неизвестно точно, когда и почему, но летом – осенью 1927 г. “Медный всадник” отказался издавать воспоминания Врангеля.³¹ Задержка с изданием имела для Врангеля одну положительную сторону: прочитав 5-й том “Очерков русской смуты”, он получил возмож-

ность ответить на критику Деникина в свой адрес. Как явствует из дневника фон Лампе, он внес в текст “полемику с пятым томом Деникина”.³²

Между тем, преодолевая огромные трудности, фон Лампе продолжал выпускать в Берлине сборники “Белое дело”. В январе 1928 г. вышел IV сборник. Главной проблемой была финансовая. Настойчивые обращения к русским предпринимателям и состоятельным аристократам, даже к тем, кто находился в дружеских отношениях с Врангелем, редко заканчивались положительным результатом. Основным источником средств было страховое общество “Саламандра”, директор которой Н.А. Белоцветов несколько раз по личной просьбе Врангеля ссужал фон Лампе деньги на издание “Белого дела”.³³ К концу 1927 г. поступления денег прекратились. Фон Лампе писал Врангелю в январе 1928 г. “...Хотя у меня всегда дело висело на волоске, но все же теперь опасности, что он оборвется, стало как-то больше!”³⁴

В этой ситуации у Врангеля не могла не родиться мысль издать воспоминания в “Белом деле”. Ускорить публикацию, даже в ущерб денежным интересам, заставляло его, вероятно, распространение в эмигрантской среде 5-го тома деникинских “Очерков” с критикой его взглядов и действий летом 1919 – весной 1920 гг. Наряду с упреками и обвинениями, которые в трактовке Деникина выглядели вполне справедливыми и аргументированными, 5-й том “Очерков” стимулировал широкое распространение слухов и вымыслов, подрывавших авторитет и достоинство Врангеля. В частности о том, что генерал И.П. Романовский, бывший начальник главного штаба ВСЮР и близкий друг Деникина, застреленный неизвестным офицером 5 апреля 1920 г. в здании русского посольства в Константинополе, был убит по личному приказу Врангеля.

20 февраля 1928 г. фон Лампе записал в дневнике: “Живущая в Брюсселе кучка: вдова Романовского, Маркова и др. по-прежнему будирует и винит ПН в причастности к убийству Романовского... Горе не рассуждает, но не глупо ли это. Кому нужна была ликвидация от с т а в н о г о Романовского, кроме мальчишек, “мстивших” ему и сами не зная, за что именно”.³⁵ Тогда же он написал одному из своих друзей: “Не забывайте, что “Деникинские круги”, близкие Деникину, и по сей день в Брюсселе упорно распространяют старую преступную легенду о том, что Романовский был убит по распоряжению ПНВ... и пренебрегать этой ежедневно повторяемой клеветой не так просто”.³⁶

Несомненно, Врангелю с его обостренным честолюбием “пре-небрегать” этой клеветой было просто невозможно.

Наконец, годы войны, тяжелых испытаний и напряженной борьбы не могли не сказаться на его здоровье. Не исключено, что после переезда в Брюссель он почувствовал себя хуже. Смутное предчувствие скорой кончины, если оно действительно было, также могло заставить его ускорить издание воспоминаний, чтобы защитить свою честь, отстаивать свои взгляды и хоть как-то обеспечить жену и четырех детей.

1 октября 1927 г. фон Лампе приехал в Париж, где на вокзале Сент-Лазар встретился с Врангелем и его женой – баронессой О.М. Врангель. Чуть позже он отметил в дневнике, что семья Врангеля всеми мерами пытается улучшить свое материальное положение: “Ольга Михайловна при мастерской шляп своей сестры Треповой открыла модный отдел и работает там вместе со старшей дочерью Еленой, только что закончившей свое учение”.³⁷ Что ему особенно бросилось в глаза, так это перемена, произошедшая с его начальником: “...Его настроение на этот раз показалось мне мало энергичным, не в пример всегдашним нашим встречам – пассивным”, от “многих дел и дрызг... он в стороне не только на словах, но и в душе...”, “...это не тот ПН, каким я привык его видеть! Н.Н. Чебышев и П.Н. Шатилов спорили со мною и говорили, что я ошибаюсь в оценке ПН-ча. Дай Бог, чтобы правы были они. Я боюсь влияния Ольги Михайловны, которая год тому назад уже говорила мне, что Петру Николаевичу надо начинать жить для себя...!”³⁸

Во время встречи Врангель и фон Лампе обсудили очень острый вопрос финансирования “Белого дела”. Итог обсуждения фон Лампе резюмировал в своем дневнике так: “У ПН нет выходов на тех, кто мог бы дать деньги на “Белое дело”...”

Ни в дневнике, ни в переписке фон Лампе нет никаких указаний на то, что во время встречи в Париже Врангель поднял вопрос об издании полного текста воспоминаний в “Белом деле”. Однако это не исключено, если учесть, что фон Лампе никогда не стремился записать в дневнике все факты и впечатления. Во всяком случае, спустя месяц он уже записал, что герцог Лейхтенбергский “в вопросе печатания воспоминаний ПН в “Белом деле”... протестует против такого способа...”³⁹ Следовательно, фон Лампе уже начал обсуждать идею публикации воспоминаний целиком в сборниках “Белое дело”, что, конечно, являлось отказом редакции от своего первоначального намерения в каждом томе освещать события на всех фронтах Гражданской

войны. В частности, фон Лампе поделился идеей издать полный текст в “Белом деле” с Белоцветовым, от которого зависело финансирование издания. Однако Белоцветов вообще ничего на это не ответил.⁴⁰

Видимо, поначалу фон Лампе больше склонялся к мысли посвятить V сборник “Белого дела” исключительно Крымскому фронту 1920 г. Во-первых, он располагал достаточными материалами (статья Глинки об аграрной реформе, статья Климовича о борьбе против большевистских организаций в Крыму) и, во-вторых, предполагал опубликовать часть воспоминаний Врангеля, чтобы поднять к ним интерес издателей.⁴¹

17 декабря 1927 г. Врангель направил фон Лампе письмо, в котором одобрил идею посвятить очередной сборник “полностью Крыму”. При этом он впервые писал: “Есть и другая возможность - выпустить пятым сборником “Белого дела” мои воспоминания. Конечно, с точки зрения выгоды для меня лично такой способ издания, быть может, и менее благоприятный, но, с одной стороны, от русского издания в настоящих условиях я вообще едва ли какую-либо материальную выгоду получу, с другой - приобретение “Белым делом” моих воспоминаний должно привлечь внимание к этому изданию и, быть может, облегчить дальнейшее его существование... Быть может, под издание моих воспоминаний “Белое дело” могло бы получить уже сейчас часть средств от таких лиц, как Фальц-Фейн, да и тот же Белоцветов... Одновременно я буду стремиться издать мои воспоминания на иностранном языке, хотя бы и в сокращенном виде, что единственно может мне принести материальную выгоду”.⁴²

Видимо, фон Лампе сам сомневался в возможности и целесообразности издания воспоминаний целиком в “Белом деле”. Поэтому в ответном письме от 8 января 1928 г., уклонившись от обсуждения этого вопроса, он сделал упор на финансовые трудности: “...Пока оснований рассчитывать на выход пятого сборника мало. У меня, как я уже писал, есть средства на подготовку материала и на содержание редакции (это - я!) для пятой книги, но 3 000 марок на типографию нет, как пока нет и горизонтов в этом направлении...”⁴³

Одновременно все более туманной становилась перспектива издать воспоминания Врангеля на немецком языке. Переговоры с “Новаком” затягивались по причине, которую фон Лампе так объяснил в письме баронессе М.Д. Врангель: “Немцы стали (а может и были) копеечниками и у них на первом плане материальный расчет издания!”⁴⁴

Между тем в январе 1928 г. здоровье генерала Врангеля ухудшилось. Он заболел гриппом, который протекал в тяжелой форме.

В начале февраля фон Лампе приехал из Берлина в Париж для встречи с генералом А.П. Кутеповым и другими руководителями РОВС. В Париже он неожиданно для себя получил письмо от Врангеля: “Весьма сожалею, что Вы проехали в Париж, минуя Брюссель. У меня к Вам ряд вопросов, которые желательно было бы выяснить до поездки Вашей в Париж. Во всяком случае прошу Вас на возвратном пути задержаться в Брюсселе на 3 - 4 дня”.⁴⁵

14 февраля фон Лампе приехал из Парижа в Брюссель, где нашел Врангеля поправившимся: тот почувствовал себя значительно лучше, стал выходить на улицу, хотя “не был вполне здоров”.⁴⁶

Обсудив с фон Лампе некоторые проблемы деятельности РОВС, генерал Врангель поставил вопрос об издании в “Белом деле” его воспоминаний.

“...Центр тяжести моего пребывания в Брюсселе, – записал фон Лампе в дневнике, – это вопрос об издании записок ПНВ... Окажется, это и была причина моего вызова. ПН в этом случае, несколько под влиянием К-го (Котляревского. – *Авт.*) считает, что, если не выпустить записки теперь, то их идейно растащат – часть уже опубликована Шатиловым в моей 4-й книге (В только что опубликованный IV сборник “Белого дела” вошла статья П.Н. Шатилова, бывшего начальника штаба генерала П.Н. Врангеля, “Памятная записка о Крымской эвакуации”. – *Авт.*), часть есть в присланной мне статье Климовича, часть войдет в подготовляемую статью сенатора Глинки и т. далее. Поэтому я с места занялся чтением записок и отмечанием того, что, по-моему, надо было переделать. Надо сказать, что записки написаны довольно сухо, в особенности часть вторая – Крым. Что касается до выпадов против Деникина, то они сильно смягчены и даже знаменитое письмо (Письмо Врангеля, написанное в феврале 1920 г. и адресованное Деникину, которое содержало резкую критику политики и стратегии последнего, было широко известно на юге России и в эмиграции благодаря распространившимся копиям. – *Авт.*) не приведено целиком и перед ним есть замечание о том, что оно во многом носило следы раздражения и личный характер. Это мне весьма понравилось.

Не знаю, будет ли большой интерес к этим запискам, но согласен с тем, что издавать их надо теперь или никогда... Я поставил перед ПН дилеммы, что воспоминания пишут бывшие люди, что он выставит себя под удары критики и обвинения в тенденциозности и замал-

чивании того или иного, и убежденно высказался, что эти вопросы решить может он один. Между прочим сильно ЗА печатание мать ПН, но она рассуждает так, что мол надо отвечать на обвинения...

Много описаний военных операций также не делает книгу легкой для чтения... Словом, “но” не мало, но я высказал готовность выпустить мою пятую книгу в увеличенном объеме и передать ее всецело запискам ПН, если они мне достанут денег, несмотря на то, что от гонорара ПН уже отказался.

ПН хочет взять заимообразно в остатках от ссудной казны (Ценности Петербургской ссудной казны, вывезенные из Крыма в ноябре 1920 г., были распроданы и вырученные суммы пошли на содержание армии. – *Авт.*) с тем, чтобы пополнить из выручки. Я не преминул указать на гадательность большого тиража, оценивая его при нормальном для “Белого дела” 300-экземплярном тираже в 500 книг для записок. ПН думает о 1 000! Но, конечно, он прав. После того, как отказался “Медный всадник”, на русском языке больше печатать негде, и “Белое дело” как журнал, несколько скрывая физиономию автора и принося ему этим вред, в то же время все-таки даст возможность появления записок в свет!

Интересных фотографий мало – большинство вырезки из “Донской волны” и технически они настолько плохи, что помещать их не стоит. Относительно массы портретов “вождей” - я отговорил помещать их - это мало любопытно.

Я начал читать и нашел кроме мест, нуждающихся в переделке, прямые ошибки: армия Юденича отошла в Латвию, а не в Эстонию, начальник штаба Шиллинга Чернов, а не Чернавин. Поместили и мое посольство к Деникину, которое лично для меня связано с такими почти трагическими воспоминаниями... и тут я настоял на прибавке “фон”, которой не было...”⁴⁷

К сожалению, фон Лампе не указывает подробно, какие изменения и сокращения были проведены, и кто именно на этих изменениях и сокращениях настаивал и чем обосновывал – он или Врангель.

“Должен еще отметить и готовность ПН вычеркивать положительно все - временами уже я его удерживал от этого... Но карт-бланш он мне все же дать не согласился... ПНВ вычеркнул из своих записок все лишнее о Государе... И это правильно, так как он не был к нему так близок, чтобы иметь правильное суждение”.⁴⁸

Работа шла очень напряженная и поглощала все время. Фон Лампе с сожалением писал, что за три дня - 15, 16 и 17 февраля - он пропустил все политические и культурные мероприятия, организован-

ные в Брюсселе эмигрантами. Не без юмора он отметил: “...Вероятно, публика думает, что мы с ПНВ готовим мобилизацию, а не... мемуары”.

Следовательно, Врангель ради скорейшего издания своих воспоминаний, названных по совету фон Лампе “Записками”, готов был значительно сократить их, убрав наименее интересные места. В то же время он вычеркнул наиболее откровенные оценки Николая II. Как и многие, он, вероятно, считал, что именно его ошибки и слабости привели Россию к революции. Являясь, однако, сторонником монархической формы правления и стремясь укрепить единство военной эмиграции, Врангель счел целесообразным быть более сдержанным в оценках Николая II, хотя сохранный им общий тон не отличается особой теплотой по отношению к последнему императору.

С другой стороны, Врангель стремился сам отредактировать свои воспоминания, не доверив целиком эту работу даже фон Лампе, одному из наиболее преданных своих сотрудников, профессиональному журналисту и издателю.

22 февраля фон Лампе выехал из Брюсселя в Германию, увозя с собой отредактированный и сокращенный первый машинописный экземпляр. “На границе немцы заинтересовались записками ПНВ, которые я вез в отдельном пакете, но тут же и пропустили их”. Переехав границу, фон Лампе телеграфировал в Брюссель Врангелю, что текст доведен в полной сохранности. Видимо, Врангель, хорошо зная о придирчивости полицейских, пограничников и таможенников к русским эмигрантам, особенно бывшим офицерам, беспокоился за судьбу текста. 24 февраля, сразу по прибытии в Берлин, фон Лампе написал ему: “...Ваши мемуары перевезены мною в полной исправности”.⁴⁹

Уже после смерти генерала Врангеля, оглядываясь на дни, проведенные вместе с ним в Брюсселе, которые оказались их последней встречей, фон Лампе в ряде писем к наиболее близким людям раскрыл несколько очень важных моментов.

28 апреля 1928 г. он писал: “Петр Николаевич в феврале вызывал меня очень настойчиво в Брюссель и, когда я приехал из Парижа на пару дней, то, несмотря на все мои отговорки, засел со мной за корректирование своих записок, законченных еще в 1923 году! Прокорректировав, он отдал их в безвозмездное пользование “Белому делу” и в самой категорической форме настаивал на том, чтобы я не е д л е н н о взял их с собой в Берлин... Как я ни отговаривался, предпочитая, чтобы их послали по почте, он настоял на своем и просил прислать ему сведения о провозе через границу, не доезжая до Берли-

на. Как будто он понимал где-то внутри, что ему надо с этим делом спешить... Много он вычеркнул полемики, и в том числе и с Деникиным... Убрал он примерно 1/8 всего объема записок...»⁵⁰

4 мая 1928 г. фон Лампе писал генералу Е.К. Миллеру: «...Вдруг в феврале он настоял на моем немедленном приезде в Брюссель, на спешной нашей совместной работе над корректурой записок и на немедленном отвозе их мною в Берлин! Все мои указания, что не надо спешить, Петр Николаевич решительно отвергал и торопил меня все время!.. По-видимому, у Петра Николаевича было какое-то неосознанное предчувствие, что торопиться надо... Во время корректуры он выбросил все о некоторых личностях и в том числе о Деникине... Выброшена была 1/8 всей работы...»⁵¹

Из письма генералу П.А. Кусонскому от 21 мая 1928 г. видно, как был окончательно решен вопрос с названием воспоминаний: «В Брюсселе я говорил Петру Николаевичу то, что записки сухи, и что продажа пойдет вяло. Он почти соглашаясь, нервно настаивал на их печатании. Я не мог ему отказать. Я добился того, что они были названы просто “Записки” - это лишает их претенциозности».⁵²

Таким образом, при редактировании текста воспоминаний в феврале 1928 г. с целью их издания в “Белом деле” генерал Врангель сократил их на 1/8 объема, то есть примерно с 50 авторских листов до 44. При этом значительная часть сокращений пришлась на персональные характеристики некоторых военных и политических деятелей, а также на описания взаимоотношений с этими людьми, прежде всего с Деникиным.

26 февраля фон Лампе составил и отправил Врангелю в Брюссель официальное письмо от редакции “Белого дела” о тех “общих основаниях”, на которых предполагалось выпустить “Записки” в свет. Текст передавался Врангелем редакции безвозмездно и должен был быть издан в V сборнике “Белого дела”, увеличенном в объеме, или в V и VI сборниках, “но с одновременным выходом таковых”. Право на издание “Записок” в России и их перевод на иностранные языки было оставлено исключительно за автором.⁵³

1 марта Врангель закончил работу над предисловием и, высылая его фон Лампе, официальным письмом передал редакции “Белого дела” право на издание “Записок” на русском языке.⁵⁴

Между тем и после отъезда фон Лампе из Брюсселя в Берлин Врангель не прекратил правку текста. Он внес еще некоторые исправления в персональные характеристики и письмом от 13 марта уведомил фон Лампе: “...Я закончил последнее редактирование переданных

Вам моих записок. В дополнение к тем исправлениям и дополнениям, которые я передал Вам в Ваш последний приезд в Брюссель, прилагаю ряд исправлений и сокращений. По внесении указанных дополнений, исправлений и сокращений в подлинник не откажите меня уведомить”.⁵⁵

Таким образом, отдав фон Лампе отредактированный и сокращенный экземпляр, Врангель продолжал читать оставшийся у него второй экземпляр и вносить новые исправления. О том, как это делалось, дают представление сохранившиеся среди документов фон Лампе написанные почерком Врангеля и подписанные им записки на страницах, вырванных, видимо, из его блокнота. В первой записке он добавил в текст главы “Вперед” лестную характеристику генералу Барбовичу. Во второй он внес исправление в описание его встречи с генералом Кутеповым на фронте в конце августа 1920 г., зачеркнув фразу, что Кутепов “видимо волновался”. В третьей добавил в главу “На Кубань” его лестную характеристику: “Генерал Кутепов был начальник большой воинской доблести...”⁵⁶ Все эти добавления и исправления фон Лампе включил в опубликованный текст.⁵⁷

В июле 1928 г. фон Лампе писал Кусонскому, что, будучи последний раз у Врангеля, уговаривал его наладить отношения с Кутеповым: “...Я долго говорил на эту тему с ПН и уговаривал его на примирение... Не знаю, чему, но, может быть, именно этому разговору надо приписать тот факт, что во время болезни ПН я получил от него выписку-характеристику АП (Александр Павлович Кутепов. — *Авт.*), которую он ввел в свои воспоминания. Она написана в лестной форме и подлинник, маленькая записка, хранится у меня”.⁵⁸

18 марта, меньше чем через неделю после завершения исправлений генерал Врангель заболел. Узнав об этом из письма Котляревского, фон Лампе написал Врангелю 26 марта: “...Грипп опять уложил Вас в кровать!.. Видимо, рецидив того припадка, который был до моего приезда... Все дела по изданию пишу Ник. Мих., чтобы не досаждать Вам неприятными и назойливыми мелочами...”⁵⁹

Одной из таких “неприятных и назойливых мелочей” была острая нехватка денег на издание “Записок”. В середине марта фон Лампе встретился с проезжавшим через Берлин Белоцветовым. “...Мне с ним пришлось вести так тяготящий меня всегда разговор относительно субсидирования “Белого дела”, выставив мотив, что с авансами, добытыми деньгами и кредитом мне нужно для выпуска двух книг Врангеля, кроме имеющихся 7 000 марок, еще три. Прямого отказа не

было, но согласие откладывается до 2-го апреля, когда в Берлине соберутся главы “Саламандры””.⁶⁰

Кроме того фон Лампе сообщил Врангелю, что общий объем двух частей составит 592 страницы и что целесообразно все-таки издать их раздельно: “Я приказал сделать примерную книгу, чтобы посмотреть, что получится, и вышла книга т о л щ е моих двух нормальных взятых вместе... Вид нехороший, слишком толсто!” И предложил издать сначала 1-ю часть, а затем 2-ю. Врангель не согласился с таким вариантом, настаивая на публикации “Записок” полностью и сразу – в одной книге или двух. В письме Котляревскому от 26 марта фон Лампе уточнил свою позицию: “Я согласен с ПН... Все время дело летописи висит на волоске и все время... он не рвется. В этих только видах можно было пойти на решение: выпустить одну первую часть, а потом, в порядке же рвущегося волоска, дожить и до второй части”.⁶¹

В начале апреля стало ясно, что на “Саламандру” рассчитывать не приходится. “Факт напечатания “Записок” ПНВ на него (Белоцветова) не только не производит никакого впечатления, но, как мне порой кажется, встречается им просто неодобрительно... Денег не дает, и приходится искать деньги на издание двух книг “Записок” в другом месте”.⁶² Котляревскому, который известил, что больной Врангель “все время интересуется положением дел о печатании “Записок””, фон Лампе сообщил: “...Белоцветов - “Саламандра” - заявил, что в связи с ухудшением дел нет возможности просубсидировать издание “Записок” в “Белом деле”...” Однако, писал он далее, “мысль опубликовать “Записки” ПН засела во мне колом”, и затем, приведя раскладку расходов на издание и показав, что ему “из требуемых 10.200 марок не хватает 3.100 марок”, подчеркнул “преимущества печатания в “Белом деле”: в моей наполовину бесплатной работе, в добросовестности, компетентности и доброжелательности”.⁶³

Между тем состояние здоровья Врангеля резко ухудшилось. 13 апреля фон Лампе получил от Котляревского из Брюсселя очень тревожное письмо, датированное 11 апреля: “Ужасное горе! Сегодня выявилось, что у П.Н. туберкулезный процесс левого легкого в очень сильной активной форме. Анализ мокрот показал наличие большого количества туберкулезных палочек. Температура очень высокая. Если Господь смилуется, то, как только температура немного понизится, увезем в горы”.⁶⁴

В следующем письме от Котляревского, написанном в 11 часов дня 16 апреля говорилось: “За вчерашний день произошло очень большое ухудшение. Температура дает огромные колебания с 39 на

36,2 и обратно 39. Вчера были явления характера мозгового. Врачи считают положение чрезвычайно опасным и считают, что благоприятный исход болезни будет чудом. Какое страшное, ужасное горе!”⁶⁵

Это известие повергло фон Лампе в шок. “Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й у м и р а е т... Все рушится, заменить некем...” - записал он в дневнике.⁶⁶ 18 апреля он написал генералу А.П. Архангельскому: “...Чем хуже положение, тем более должны мы думать о “Записках” ПН”⁶⁷.

Несмотря на мучительные боли и потери сознания, Врангель, решая самые важные дела, не забыл и о “Записках”. По словам Котляревского, он “за три недели уже чувствовал, что умирает, и совершенно сознательно отдавал приказания на случай смерти”.⁶⁸

Во-первых, он внес последние поправки в текст. Они были продиктованы Котляревскому, который записал их и затем, уже после смерти генерала, перепечатал и выслал в Берлин фон Лампе. При этом Врангель категорически настаивал, чтобы больше “никаких изменений внесено не было, исключая редакционно-литературных исправлений”.⁶⁹

Во-вторых, он отдал распоряжение снять со счета в банке и выдать фон Лампе 1 000 долл. из средств, оставшихся от реализации Петербургской ссудной казны. Эти деньги должны были быть выданы в форме беспроцентной заимообразной ссуды с погашением половины через год и второй половины к 1 января 1930 г. из средств, полученных от реализации тиража.⁷⁰

В-третьих, Врангель приказал после выхода в свет обеих частей “Записок” уничтожить как оставшийся в Брюсселе полный вариант текста, так и экземпляр, увезенный фон Лампе в Берлин. При этом он оговорил, что некоторые отрывки из текста должны быть сохранены в его личном архиве. Придавая исключительно важное значение тому, чтобы никто никогда не увидел сокращенной им 1/8 части текста, умирающий взял с Котляревского честное слово, что оба машинописных экземпляра будут сожжены.⁷¹

24 апреля фон Лампе получил от Котляревского письмо, датированное 20 апреля: “Здоровье П.Н. не лучше, сердце работает хуже, очень большая слабость. Вопрос легких сейчас не на первом плане, главное - деятельность сердца и нервное возбуждение”.⁷²

25 апреля 1928 г. генерал Врангель умер. Получив в тот же день телеграмму о смерти главнокомандующего, фон Лампе, переживая страшное горе, записал в дневнике о намерении “все бросить и уйти из РОВС”. “Но “Записки” издать я должен!”⁷³

Смерть Врангеля наполнила фон Лампе решимостью достать необходимые деньги и издать “Записки”. Эта решимость иногда сменялась пессимизмом и отчаянием, которые вызывались осознанием громадности понесенной утраты. В письме одному из самых близких друзей он признался: “Очень я хочу уйти! Это не падение духа, это сознание неизбежности, обреченности дела, которому отдано так много... Всегда нехорошо, когда дело или интерес жизни сосредоточен в одном человеке, а тут это именно было так и очень ярко так!..” И далее о “Записках”: “У меня сейчас громадная задача характера морального обязательства... Не знаю, удастся ли мне осуществить их печатание”.⁷⁴

Между тем среди соратников и близких генерала Врангеля возникла мысль, что после его смерти “Записки” могут быть изданы в полном, первоначальном варианте. За это, в частности, высказался философ И.А. Ильин. В письме Котляревскому фон Лампе попытался осторожно прозондировать почву: “...Мне кажется, что он не прав и мы должны раньше всего считаться с тем, что Петр Николаевич с а м вычеркнул многое... Как Вы думаете об этом?”⁷⁵ Котляревский ответил категорически: “Главкомандующий в предсмертном распоряжении, мне данным, вновь повторил, чтобы никаких изменений внесено не было... Поэтому о предложении Ивана Александровича, о котором Вы пишете мне в письме от 28 апреля (о напечатании всех вычеркнутых Главкомандующим мест), не может быть и речи”.⁷⁶

Смерть Врангеля все же повлияла на характер редакторской работы фон Лампе. После первого знакомства с воспоминаниями он был убежден в том, что текст должен быть “оживлен” за счет сокращения многочисленных военных реляций, и ему во многом удалось этого добиться в процессе совместной работы с Врангелем. Увозя из Брюсселя текст, как он потом признался в письме Кусонскому от 21 мая, он планировал продолжить его чистку в этом направлении. “...Я надеялся в процессе окончательного редактирования добиться еще многих сокращений... Теперь это изменилось – теперь печатание записок для меня – з а в е щ а н и е Петра Николаевича, и редактирование их мною, как записок посмертных, будет, конечно, гораздо более деликатно”.⁷⁷

Однако есть некоторые основания предполагать, что, внося в текст необходимую литературную правку, фон Лампе не только не сократил текст, но даже кое-что вернул из вычеркнутого Врангелем. Возможно, на это его толкнуло требование Котляревского возвратить ему машинописный текст “Записок” со всеми присланными дополне-

ниями и исправлениями для сожжения согласно предсмертной воле главнокомандующего.

В предисловии “От редакции” фон Лампе указал: “После кончины генерала Врангеля, подготавливая рукопись его к печати, редакция ограничилась только самыми необходимыми редакционными исправлениями, сдавая в печать рукопись в том виде, в каком она была принята от автора”.⁷⁸ Однако в письме, датированном 15 августа 1928 г., он признался: “...Я и м е л право откорректировать записки и это мое право использовал больше, чем я о том говорю в моем предисловии”.⁷⁹

Отсутствие полного оригинального варианта “Записок” не позволяет выяснить, что именно снял, а что вернул в текст фон Лампе. Зная его преданность Врангелю и его семье, следует исключить, что он пошел на нарушение предсмертной воли главнокомандующего и восстановил какие-либо персональные характеристики. Однако более нейтральные, но важные с исторической точки зрения сюжеты он, вероятно, все же восстановил. Подтверждением этому может служить последняя машинописная страница V главы 2-й части. На ней зачеркнуто окончание приказа Врангеля, которым он разрешил вернуться в Крым гражданским беженцам, оказавшимся за границей в результате деникинской эвакуации в феврале - марте 1920 г. В опубликованном же варианте вычеркнутый текст этого приказа восстановлен.⁸⁰

Кроме того, завершающую главу “У последней черты” фон Лампе включил в предшествующую ей - “Последняя ставка” - в качестве ее второй части с сохранением оригинального названия.⁸¹

6 мая фон Лампе выслал вдове – баронессе О.М. Врангель – документ, подтверждающий все обязательства редакции “Белого дела” по изданию “Записок”, которые были приняты перед генералом Врангелем.⁸²

11 мая от Котляревского был получен чек на 1 000 долл., выписанный брюссельским отделением “National city bank”, в качестве заимобразной ссуды на издание “Записок” в соответствии с предсмертной волей Врангеля.⁸³

Полученные деньги почти покрывали расходы по изданию, однако из них нельзя было ничего выкроить для оплаты редакторской работы самого фон Лампе. К тому же давались они в виде заимобразной ссуды, что ставило его в крайне тяжелое положение: он обязан был к 1 января 1930 г. вернуть деньги из средств от распродажи тиража, в успехе которой он сам сомневался. В частности, промышленник А.О. Гукасов также согласился дать только ссуду, отказавшись что-либо пожертвовать безвозвратно. 16 мая фон Лампе с горечью пи-

сал одному из своих близких друзей: “Я хочу... хоть часть денег получить не ссудой, а жертвенно... Право же, покойный Главкомандующий... денег не имел - он отдал свои воспоминания даром в то время, как даже при моей оплате он должен был получить 1 200 – 1 300 марок. Я нищий, имеющий заработок в 150 марок в месяц при прожиточном минимуме на двоих в 300, - отказался от редакторского гонорара, чтобы только записки вышли...”⁸⁴

Тогда же фон Лампе обратился к генералам Миллеру и Барбовичу, возглавлявшим в Париже и Белграде “Комитеты по увековечению памяти генерала П.Н. Врангеля”. Эти комитеты собирали пожертвования эмигрантов, и он попытался убедить Миллера и Барбовича, что издание “Записок” станет лучшим памятником покойному главкомандующему. Те лишь неопределенно пообещали выделить что-то из денег, оставшихся от похорон.⁸⁵

Несмотря на неопределенное финансовое положение, фон Лампе работал очень напряженно и в первых числах июля закончил вторую корректуру V сборника “Белого дела”. Одному из своих постоянных адресатов, извиняясь за то, что долго не отвечал, он писал 16 июля: “...Причина молчания - выход пятой книги... Как это нервно и хлопотно... Помножьте это на то, что у меня в очередной книге 31 схема, семь иллюстраций и т.п. В с е делаю один! Книга выйдет на этой неделе, вопрос выхода + два-три дня. А в это время подготовлена к набору и уже начала набираться и следующая книга”.⁸⁶

19 июля 1928 г. типографией было закончено печатание V сборника “Белого дела”. 1-я часть “Записок” генерала Врангеля вышла в свет.

Чтобы издать V и VI сборники, фон Лампе выдал типографии “Зинабург и К^о” два векселя на общую сумму 4 530 марок, обязавшись вернуть долг из выручки от продажи тиража. На подготовку к печати VI сборника денег немного не хватало, и он обратился за помощью к барону Фальц-Фейну.⁸⁷

Своей близкой знакомой фон Лампе писал 24 июля: “С записками П.Н. Врангеля, исполняя его предсмертную просьбу, я буквально кинулся в воду, издавая две книги... Они стоят 11 000 марок. Пять я достал, пять должнаю под будущий тираж (а если он не оправдает надежд?), а одной мне и посейчас не хватает! Что стоило бы тому же Юсупову помочь, благо он был в дружбе с П.Н. Врангелем, ведь это только 6 000 франков... И как я выплыву - не знаю. Знаю только одно, что первый том я издал..., издам и второй...”⁸⁸

К десятым числам сентября фон Лампе закончил подготовку к печати VI сборника. Работа потребовала от него всех сил и времени, три недели он не притрагивался к дневнику. “20 августа - 12 сентября. Берлин. Пропуск в дневнике по своим размерам почти небывалый... Идет оживленная работа по окончанию шестой книги и это одна из причин, почему я не брался за дневник. Сейчас книга закончена, печатается и на этой неделе должна выйти из печати. Исполняется задача, возложенная на меня заветом покойного Петра Николаевича. Выполнил ее как мог... Не могу не отметить, что решительно все, кто получил книгу, благодарил меня и высказывался о ней в самой лестной форме”.⁸⁹

Однако радость фон Лампе была омрачена полученным из Франции отказом Фальц-Фейна пожертвовать деньги на издание “Записок”. После чрезвычайно напряженного труда у него сдали нервы: “Все говорят о значении записок Врангеля и никто не дает ни копейки... Сволочь!”⁹⁰ Понять его можно: проделав без чьей-либо помощи всю редакторскую и корректорскую работу, фон Лампе не получил за нее ни копейки.⁹¹

Между тем V сборник “Белого дела”, поступив в продажу в Берлине в конце июля, постепенно распродавался: до середины августа было продано 250 экземпляров. На взгляд фон Лампе, это было “немного больше, чем обычная продажа в начале”.⁹² Примечательно, что большую партию книг в Берлине купили большевики - представители различных советских организаций в Германии.⁹³

Для выплаты долгов, которые составили 9 400 марок, фон Лампе необходимо было продать примерно 1150 экземпляров каждой части “Записок”. Еще раз обращаясь к генералу Миллеру за помощью и, приводя эти цифры в письме от 15 сентября, он отмечал: “П.Н. считал, что 1 000 пар продается легко. Я смотрю на это пессимистичнее”. С горечью и возмущением высказался он о тех, кто “числил себя друзьями покойного главнокомандующего”, имел приличное состояние в эмиграции, но отказался пожертвовать деньги на издание: “...Все состоятельные люди признают необходимость издать “Записки”, но в с е отказались принять в деле материальное участие! Такова физиономия и м у щ е й эмиграции”.⁹⁴

VI сборник “Белого дела” со 2-й частью “Записок” вышел в свет 25 сентября 1928 г. За несколько дней до этого, полностью завершив свою работу и ожидая тираж, фон Лампе писал генералу Архангельскому: “Должен Вам честно сказать, что, заканчивая дело по изданию “Записок” Главнокомандующего, я чувствую громадное мо-

ральное удовлетворение. Конечно, нужно было бы сделать лучше, но далеко не все доступно. Во всяком случае, дело сделано и записки вышли в свет!! Завет Петра Николаевича исполнен! Но какие с..... все состоятельные эмигранты — в с е в один голос говорили мне о ценности записок и н и о д и н не пришел на помощь материально!”⁹⁵

5 октября, когда в продаже уже находились обе части “Записок”, фон Лампе составил для Миллера и Барбовича обстоятельный отчет. За семь месяцев работы (с середины февраля до середины сентября) им было отредактировано и дважды откорректировано 35 листов текста, что составило 1 900 000 знаков. Было подготовлено 45 схем, 22 фотографии и 3 факсимиле. Каждая часть была издана тиражом 2,5 тыс. экземпляров и сверх того было отпечатано 18 именных экземпляров для членов семьи Врангеля и наиболее близких ему лиц. Всего на редактирование, бумагу, почтовые услуги, рекламу и оплату работы типографии было израсходовано 10 024 марки. Приход редакции “Белого дела” составили: чек на 1 000 долл. (4 146 марок) от Н.М. Котляревского (из казенных сумм, бывших в распоряжении генерала Врангеля), чек на 50 долл. (207,5 марок) от не установленного лица, 1 000 марок от “Комитета по увековечению памяти генерала П.Н. Врангеля в Париже” (эти последние недостающие деньги генерал Миллер прислал 5 октября), 141 марка из кассы редакции “Белого дела”. Кроме того фон Лампе выдал типографии два векселя на сумму 4 530 марок, фактически напечатав обе книги в долг. Все долги подлежали возврату из сумм, полученных от реализации тиража, в следующем порядке: по векселям — 4 530 марок, по чекам — 4 353 марки, парижскому комитету — 1 000 марок, в кассу редакции “Белого дела” — 141 марка.⁹⁶ Таким образом, на начало октября, когда обе части “Записок” увидели свет, фон Лампе, проделав огромную работу один, в качестве редакторского гонорара так ничего и не получил.

Идея выпустить сверх тиража именные экземпляры, прежде всего для членов семьи генерала Врангеля, принадлежала, вероятно, самому фон Лампе. В именных экземплярах сверху на обороте титула курсивом указывалось имя владельца. Так например, в экземпляр старшей дочери было впечатано: “Экземпляр Баронессы Елены Петровны Врангель”.

20 июля, на следующий день после выхода в свет V сборника, фон Лампе выслал в Брюссель пять именных экземпляров для баронессы О.М. Врангель и детей, написав ей: “...Старшие несомненно оценят книгу сейчас, младшие будут читать ее, когда вырастут”.⁹⁷

Сразу же после выхода в свет VI сборника он отправил в Брюссель его именные экземпляры.

14 октября фон Лампе получил письмо от баронессы О.М. Врангель: “От лица детей и своего сердечно благодарю за пять именных экземпляров... Я не могу Вам сказать, как горячо я тронута Вашим любовным отношением к изданию “Записок”, потому что действительно чувствуется Ваша любовь. Издано прекрасно”.⁹⁸

Исполнив завет Врангеля – издав его “Записки”, – фон Лампе оказался перед жестокой необходимостью выполнить и его предсмертную волю – уничтожить полный оригинальный текст. Такой участи оригинала он противился всей душой...

Ни в дневнике, ни в переписке фон Лампе не обнаружено, когда точно Котляревский проинформировал его об этом предсмертном распоряжении Врангеля и потребовал возвратить в Брюссель увезенный текст, а также дополнения и исправления, высланные в Берлин позже. Во всяком случае, это произошло до конца мая, когда фон Лампе писал предисловие “От редакции”. Считая невозможным как умолчать о сокращении первоначального текста на 1/8 объема, так и сказать правду о предстоящем его уничтожении, он поставил все глаголы в прошедшее время: “существовал”, “хранился”.

Упоминание в предисловии о существовании и сокращении полного оригинального варианта “Записок” вызвало недовольство матери покойного главнокомандующего. В уже цитированном письме от 19 августа баронесса Врангель выговорила фон Лампе: “Я знаю, что он взял слово (Здесь и далее подчеркнуто М.Д. Врангель. – Авт.) с Ник. Мих., что по напечатанию не только черновик, но и Ваш экземпляр самим Ник. Мих. должен быть уничтожен, настолько он не хотел, чтобы до рукописи касались, и я очень надеюсь, что Н.М. волю покойного свято исполнит. Да и на что нужен черновик – это его интимное, раз он так его зберегал. Многое им в нем написано в пылу возмущения. Он смягчился и, слава Богу, ничего исторического не пропало. Это его душевное и только. ...Вы указываете, где хранится 2-й экз. или, вернее, черновик, с теми исправлениями, которые он именно не хотел, чтобы видели интересующиеся ими... По счастью, несмотря даже на предисловие Ваше, оно будет сокрыто ото всех... Но сколько породит толков его исчезновение, не будем же мы рассказывать, что он просил уничтожить”.⁹⁹

В ответном письме от 21 августа фон Лампе попытался аргументировать свою позицию. “Что касается до второго экземпляра, то Н.М. писал мне о выраженной Петром Николаевичем воле уничто-

жить и второй экземпляр, и манускрипт, находящийся у меня. Воле Петра Николаевича, конечно, надо покориться, и я верну манускрипт, как меня о том просил Котляревский, но будь я на месте Н.М. – я в свое время протестовал бы против такого решения Петра Николаевича – он недооценивал своего исторического значения – его манускрипты обязательно должны были бы храниться в его архиве, в подлиннике. Когда будут изучать его записки, то будет важно установить, что он сам вычеркнул... Котляревский писал мне, что оба манускрипта будут уничтожены, но что часть вычеркнутого, то ч но указанная Петром Николаевичем, будет сохранена. Поэтому я в своем предисловии и употребил выражения: “существовал второй (экземпляр)”, “экземпляр этот хранился в личном...”, так как это соответствует действительности, а писать о предположенном уничтожении я не хотел”.¹⁰⁰

Утверждая далее, что на месте Котляревского он сумел бы убедить Врангеля сохранить полный текст записок, фон Лампе ссылался на случаи, когда ему удавалось при помощи веских аргументов убеждать своего начальника изменять уже принятое решение. Общий тон письма свидетельствует о неподдельной горечи близкого Врангелю человека, вызванной бессилием изменить что-либо и спасти для истории часть текста, которую автор обрек на небытие. При этом, проявив свойственные ему рассудительность и педантичность, фон Лампе настойчиво рекомендовал баронессе Врангель “уничтожение сделать официально”, в присутствии наследников и с оформлением протокола, который должны подписать самые близкие генералу Врангелю лица.¹⁰¹

В ответ он получил от старой баронессы письмо, полное обвинений в намерении нарушить волю ее сына.¹⁰² Протестуя против них, фон Лампе писал в Брюссель 25 августа: “...Я не собираюсь нарушать волю Главнокомандующего. Я вышло все, что у меня. Я протестовал бы против распоряжения Петра Николаевича. Котляревский должен был протестовать, тем более, что Петр Николаевич приказал кое-что сохранить... Что же касается моей мысли, что манускрипты вообще нужны в архивах, то это есть настоящая историческая точка зрения – для характеристики наших больших русских людей много дало бы и то, что они сами сокращали. То же самое и наоборот – очень интересно для характеристики и то, что и когда было ими до-
бавлено...”¹⁰³

Неизвестно точно, когда фон Лампе переслал в Брюссель имевшийся у него машинописный текст “Записок”. При этом он все-таки добился

разрешения сохранить у себя титульный лист, последние страницы всех глав и три собственноручных записки Врангеля с характеристиками Кутепова и Барбовича.

Переживания фон Лампе усугублялись тем, что в ходе подготовки “Записок” к изданию, уже после смерти главнокомандующего, у него возникла и крепла мысль, что можно было бы написать их продолжение. Так, в мае 1928 г. в письме Кусонскому он посетовал на то, что в “Записках” “нет Константинопольского периода”, то есть описания деятельности Врангеля в Турции сразу после эвакуации из Крыма с ноября 1920 г. по осень 1921 г.¹⁰⁴ А в апреле 1929 г., получив из Брюсселя известие об отправке архива Врангеля на хранение в библиотеку Гуверовского института в США, фон Лампе написал Котляревскому: “Жаль мне, что архив ушел. Я отказываюсь от каких бы то ни было статей и статей о П.Н. и все мечтаю о том, чтобы дописать третий том его записок. Отправка архива, конечно, ставит этому предел”.¹⁰⁵

31 октября в Брюсселе оба машинописных экземпляра “Записок” были сожжены.

Составленный протокол гласит:

“Генерал барон Петр Николаевич Врангель отдал предсмертное распоряжение сжечь оба экземпляра подлинника его “Записок (ноябрь 1916 г. - ноябрь 1920 г.)”, напечатанных на пишущей машинке, после того, как эти “Записки” появятся в печати в “Белом деле”, за исключением лишь одного экземпляра Главы четвертой Части первой “Записок” – “Крамолы на Кубани”, где имеются разговоры по прямому проводу между генералом бароном Врангелем, генералом Покровским, генералом Науменко, полковником Колтышевым и телеграммы, не напечатанные, согласно распоряжению генерала барона Врангеля, в “Белом деле” с целью сокращения размера “Записок”.

В виду того, что “Записки” без каких бы то ни было изменений и сокращений подлинника уже изданы – напечатаны в пятом и шестом сборниках “Белого дела”, – сего 31 октября 1928 года оба экземпляра подлинника “Записок” сожжены, за исключением:

I. Одного экземпляра подлинника Главы четвертой Части первой “Крамолы на Кубани”.

II. Нижеследующих страниц одного из экземпляров подлинника, кои издатель “Белого дела” генерал Алексей Александрович фон Лампе сохранил для архива “Белого дела”...”¹⁰⁶

Подписан протокол баронессой О.М. Врангель, Н.М. Котляревским и генералом А.П. Архангельским.

Увы, рукописи горят...

Понятны мотивы генерала Врангеля, его стремление не усугублять междоусобицу в среде военной эмиграции, его страстное желание быть и остаться “всегда с честью”, сделать себя неуязвимым не только для злословия современников, но и критики потомков.

Понятна и позиция родных и близких генерала, для которых исполнение его предсмертной воли было святым долгом.

Но более понятна и достойна сочувствия “настоящая историческая точка зрения” фон Лампе. Как никто другой, он отдавал себе отчет: не строчки вычеркиваются и не страницы сжигаются – часть жизни и души “большого русского человека”...

В протоколе о сожжении, составленном, несомненно, Котляревским (при возможном участии близких покойного главнокомандующего), бросается в глаза преднамеренно ложное утверждение, будто “Записки” изданы “без каких бы то ни было изменений и сокращений подлинника”. Сделано это могло быть с единственной целью: скрыть факт сокращения и, следовательно, существенную разницу между оригиналом и опубликованным текстом, дабы никому и никогда не пришлось в голову выяснять, что именно было сначала изъято из текста, а затем навсегда уничтожено, и почему генерал Врангель так не хотел, “чтобы до рукописи касались”.

Заметим, что куда более правдивое предисловие фон Лампе свело на нет усилия составителя (или составителей) протокола.

Сам фон Лампе по понятным причинам не был приглашен в Брюссель для участия в процедуре сожжения. Но один экземпляр протокола был выслан ему в Берлин и сохранился в его архиве. На нем напротив перечисленных страниц, оставленных в архиве редакции, он сделал пометки об их наличии. При этом он отметил ошибку составителя протокола, указавшего в перечне, что от V главы 1-й части оставлены “две последние страницы – 135 и 136”. Ниже цифры “136” он поставил вопросительный знак и написал “не сущ.”. Действительно, эта глава заканчивается 135-й страницей.¹⁰⁷

Выход в свет “Записок” генерала Врангеля вызвал большой интерес прежде всего в военных кругах эмиграции, поскольку среди офицеров бывших белых армий было немало тех, кто поддерживал Врангеля против Деникина и наоборот, а еще больше было тех, кто сожалел о вражде между двумя лидерами Белого движения на юге России. При этом вопреки желанию Врангеля, чтобы его “Записки” не воспринимались как ответ на “Очерки русской смуты”, они воспринимались большинством эмигрантов именно так. Хотя в предисловии

ясно говорилось, что написаны “Записки” были в 1921 – 1923 гг., сам факт выхода их в свет вскоре после завершения публикации “Очерков” давал основание усматривать в этом продолжение конфликта между бывшими главнокомандующими ВСЮР.

В июле 1928 г. Кусонский написал фон Лампе в связи с выходом 1-й части “Записок”: “Пока я, лишь просмотрев книгу, скажу следующее. Хотя воспоминания написаны до появления V т. Деникина, но они уже заранее как бы полемизируют и оправдываются перед Ан. Ив. (Антон Иванович Деникин. – *Авт.*). Задача эта неблагодарная, ибо, сколько ни делал стратегических и пр. ошибок Деникин, все же в истории Врангель – Деникин каждый мало-мальски беспристрастный человек всегда станет на сторону Деникина и осудит Врангеля (Фон Лампе написал поверх этой строки: “Это не так”. – *Авт.*). Критика же Деникина в воспоминаниях для теперешнего читателя, оглядывающего поход белых беспристрастно и более глубоко, будет, я думаю, неприятна”.¹⁰⁸

Отвечая Кусонскому, фон Лампе не мог обойти молчанием болезненную для него тему: “Я не буду останавливаться на вопросе “Врангель – Деникин” - я на это держусь иного, чем Ты, взгляда. Не полемизировать же нам по этому вопросу! Скажу только немного: оба они принадлежат истории – ПН скончался, АИ умер политически... И потому я рад, что суд истории теперь имеет показания о б е и х сторон. Свидетели тоже найдутся... Про Деникина скажу, что его пятый том недостоин ни его самого, ни первых четырех томов его же труда! Он и наше Константинопольское представительство обвиняет в подготовке убийства Романовского...!!”¹⁰⁹

Среди общих упреков в необъективности недовольные голоса отдельных лиц прозвучали особенно громко. В частности, генерала А.Г. Шкуро, склонного, как явствует из “Записок”, к неподчинению непосредственному командованию и поощрению грабежей среди своих войск. Приехав в Берлин в начале октября 1928 г., Шкуро явился к фон Лампе и “начал довольно острый разговор по поводу того, что ПН в своих записках его “обложил”... Он начал корить меня, что де мол я должен был вычеркнуть то, что сказано о нем, и что он будет выступать в печати...”¹¹⁰

Генерал П.П. Скоропадский, проживавший в Берлине, был глубоко задет тем, что Врангель осудил его за согласие стать при поддержке немцев гетманом Украины, занятой немецкими войсками.¹¹¹

Однако наиболее аргументированные обвинения Врангеля в стремлении исказить историю Белого движения на юге России и од-

новременно возвеличить самого себя “Записки” вызвали со стороны Деникина. В мае – июне 1930 г. выходивший в Париже еженедельник “Иллюстрированная Россия” опубликовал его пространную статью “Мой ответ”.

Любопытны сами обстоятельства, вызвавшие ее появление. Уже в 1929 г. в Великобритании вышел английский перевод “Записок”, а в начале 1930 г. во Франции был опубликован перевод на французский. В обоих случаях эти издания были осуществлены с согласия наследников генерала Врангеля и с некоторыми сокращениями. Текст был сокращен за счет прежде всего описания военных операций.¹¹²

Сразу же вслед за выходом французского издания “Иллюстрированная Россия” начала печатать отрывки из него на русском языке. Эти отрывки, опубликованные под общим названием “Мемуары ген. П.Н. Врангеля” в №№ 15 – 20 за апрель – май 1930 г., касались прежде всего острых взаимоотношений между Деникиным и Врангелем. В предисловии редакции было сказано, что перевод этих отрывков на русский язык осуществлен с вышедшей “на днях” книги на французском языке, которая представляет собой “единственную, заключающую в себе полностью “Записки” генерала Врангеля”.¹¹³ Причем, с № 16 редакция помещала вставку: “Печатается по соглашению с парижским издательством “Талландье””.¹¹⁴

Эта публикация, естественно, вызвала резко отрицательную реакцию фон Лампе. Он немедленно вступил в активную переписку с главным редактором “Иллюстрированной России” М.П. Мироновым, а также жившими в Париже руководителями РОВС. Среди выступивших посредниками в разрешении этой конфликтной ситуации были главный редактор “Часового” В.В. Орехов и начальник 1-го отдела РОВС генерал П.Н. Шатилов.

Фон Лампе прежде всего обвинил “Иллюстрированную Россию”, которая придерживалась либеральных взглядов, в преднамеренном замалчивании факта выхода в свет “Записок” генерала Врангеля на русском языке в сборниках “Белое дело”. Во-вторых, он установил, что при обратном переводе с французского на русский язык были допущены ошибки, искажившие смысл авторского текста. В-третьих, он справедливо усмотрел в этой истории нарушение прав вдовы и детей покойного главнокомандующего. В письме на имя Миронова от 23 апреля 1930 г. он потребовал “восстановить истину и удовлетворить интересы семьи генерала Врангеля”.¹¹⁵

Орехов, посетивший Миронова по поручению генерала Шатилова, писал фон Лампе 2 мая 1930 г., что главный редактор “Иллюстрированной России” признал претензии вполне справедливыми. Миронов оправдывался тем, что “совершенно не знал” о выходе в свет “Записок” на русском языке. При этом он ссылаясь на французское издательство “Талландье”, которое официально уведомило его, что издание на французском – единственное. Кроме того, по словам Миронова, он обращался во все русские книжные магазины в Париже с вопросом относительно возможного существования русского издания и всюду получил отрицательный ответ. Наконец, он ссылаясь на Н.Н. Чебышева, известного государственного деятеля и журналиста, близко стоявшего к Врангелю в 1920 г. и в эмиграции, который якобы уверил его в отсутствии русского издания и “что-то неопределенное” сообщил о готовящемся их издании в Белграде. В конце концов Миронов согласился опубликовать соответствующую поправку и заплатить положенный в таких случаях гонорар семье генерала Врангеля.¹¹⁶

Оправдания Миронова окончательно убедили фон Лампе в преднамеренности замалчивания “Иллюстрированной Россией” факта выхода “Записок” на русском языке. Дело в том, что Чебышев, на которого ссылаясь Миронов, прекрасно знал о выходе V и VI сборников “Белого дела”, поскольку сам писал и печатал на них рецензию в парижской газете “Возрождение”. С другой стороны, выразив на словах готовность заплатить наследникам гонорар, Миронов на деле попытался уклониться от этого. Отговариваясь, что недоразумение стало результатом слабой рекламы русского издания в Париже, он предложил вместо выплаты гонорара организовать на свои средства такую рекламу. Однако, хорошо зная стесненность баронессы О.М. Врангель и ее детей в средствах, фон Лампе твердо настоял на выплате. В июне 1930 г. баронесса О.М. Врангель получила от “Иллюстрированной России” чек на 1500 франков. Кроме того, в №№ 23 – 26 за май – июнь Миронов поместил рекламу сборников “Белого дела” с “Записками” П.Н. Врангеля.¹¹⁷

В одном из писем Миронову фон Лампе в пылу полемики впервые выпустил за пределы узкого круга близких Врангелю лиц информацию о сожжении подлинного полного текста “Записок”: “Согласно воле почившего, манускрипт напечатанного текста был сожжен, о чем был составлен соответствующий протокол”.¹¹⁸ При этом он сохранил в тайне, какого рода сокращения были произведены. Однако самым отрицательным последствием всей этой истории стало ответное выступление в “Иллюстрированной России” генерала Дени-

кина по поводу их отношений с Врангелем. Причем похоже, что Миронов сам подтолкнул Деникина к этому выступлению. Во всяком случае, некоторые обстоятельства говорят в пользу такого предположения.

В № 22 от 24 мая 1930 г. “Иллюстрированная Россия” начала публикацию статьи Деникина “Мой ответ (о воспоминаниях ген. П.Н. Врангеля)”. Миронов предварил ее почтительным предисловием: “Охотно предоставляем глубокоуважаемому ген. А.И. Деникину страницы “Иллюстрированной России” для ответа на воспоминания покойного ген. П.Н. Врангеля, извлечения из которых были напечатаны в ряде номеров нашего журнала”.¹¹⁹

Деникин начал свой “Ответ” с общей оценки воспоминаний Врангеля: “В позапрошлом году вышли воспоминания ген. Врангеля. В них, умалчивая о фактах и документах бесспорных, частью уже опубликованных, или вопреки им, автор повторяет ту же неправду, что и раньше, то же опорочивание других наряду с высокой оценкой своей деятельности”.¹²⁰ Из первых же слов можно сделать вывод, что Деникин знал о выходе “Записок” в V и VI сборниках “Белого дела” в 1928 г.

Предоставление Мироновым страниц своего еженедельника Деникину в тот момент, когда еще не был до конца улажен конфликт с фон Лампе и удовлетворены законные претензии “Белого дела” и наследников Врангеля, ясно свидетельствует о его “проденикинской” ориентации. Скорее всего “Мой ответ” был напечатан именно в том виде, в каком был получен редакцией, без каких-либо смягчений самых резких высказываний. Продолжение было напечатано в № 23 от 31 мая и окончание – в № 24 от 7 июня 1930 г.

Фон Лампе внимательно изучил статью Деникина и оставил на вырезанных страницах “Иллюстрированной России” многочисленные подчеркивания, пометки и замечания красными чернилами. При этом он отметил все ошибки, допущенные при обратном переводе, часть из которых вызвала особенное негодование Деникина. Попутно, он пришел к интересному выводу, что тот читал и использовал как издание “Записок” в “Белом деле”, так и издание на французском языке.¹²¹

В сложившейся ситуации задетому до глубины души фон Лампе, ничего не оставалось, как приподнять завесу над известной ему историей публикации “Записок”. К середине июня фон Лампе написал ответную статью “Врангель – Деникин”, в которой, считая себя ответственным за судьбу “Записок” и после их выхода в свет, резко раскритиковал взгляды Деникина.¹²² Статью он первым делом

направил в “Иллюстрированную Россию”, однако Миронов уклонился от ее публикации. В конце концов она вышла в белградской газете “Новое время” (16, 17 и 19 августа 1930 г.), причем ее редакция, даже поддерживая больше Врангеля, чем Деникина, тем не менее, по выражению фон Лампе, “сгладила” его статью.¹²³

Прежде всего фон Лампе отметил, что публикация отрывков из “Записок” Врангеля в “Иллюстрированной России” была сделана с французского издания, в результате чего при обратном переводе на русский язык были допущены искажения смысла авторского текста. Отчасти именно эти искаженные места и вызвали столь критическую реакцию Деникина. Далее он в основных моментах осветил историю подготовки Врангелем текста “Записок” к изданию, подчеркивая, как учитывалась им напряженность их взаимоотношений с Деникиным.

По оценке фон Лампе, первые четыре тома “Очерков русской смуты”, опубликованные в 1923 – 1925 гг., были “очень объективными”. Так, уверяет фон Лампе, считал и Врангель, поэтому он “не возвращался к переделке “Записок””, которые были закончены 30 декабря 1923 г. Однако в 5-м томе “Очерков” Деникин, по мнению фон Лампе, “принужденный упоминать имя и подвиги генерала Врангеля, сразу же потерял равновесие и всемерно стремился к тому, чтобы дискредитировать своего бывшего подчиненного и заместителя...”

“Несмотря на то, что автор “Очерков” генерал Деникин был жив, генерал Врангель, считая полемику на страницах зарубежной печати между бывшим и настоящим вождями Белого движения вредной для дела борьбы за Родину, ни одним словом не ответил на все выпады со стороны генерала Деникина, оставаясь совершенно спокойным.

И даже больше.

В феврале 1928 года, когда генерал Врангель, как бы предчувствуя близость своей кончины и своего ухода от дела, которому он посвятил свою выдающуюся жизнь, приступил совместно со мною, в Брюсселе, к окончательному просмотру оставленных им без поправок с 1923 года “Записок” для окончательной подготовки их к печати, он сократил их, как я упоминал в том же моем предисловии, почти на одну восьмую их объема.

Это сокращение надо почти целиком отнести на ту часть “Записок”, в которой генерал Врангель останавливается **на характеристике генерала Деникина и на своих с ним взаимоотношениях** (Выделено А.А. фон Лампе. – *Авт.*).

Почти все личное изъято. Мотивом для такого решения была мысль генерала Врангеля, которой он неоднократно делился со мною: “Если бы мои “Записки” вышли в свет раньше 26 года, когда появился последний том “Очерков” генерала Деникина, я бы не сокращал и не выбрасывал всего того, что мы выбрасываем теперь. Но раз книга генерала Деникина с несправедливыми нападками на меня уже появилась в свет, я не могу оставить мои “Записки” в прежнем виде, т.к. могут найтись люди, и может быть между ними и сам генерал Деникин, которые подумают, что целью опубликования моих “Записок” является полемика с генералом Деникиным, полемику же эту я считал бы и не нужной, и для русского дела вредной”.¹²⁴

Далее фон Лампе поведал о попытках Врангеля наладить отношения с Деникиным в эмиграции. В частности он впервые предал гласности эпизод с передачей Деникину документов из архива Русской армии по решению Врангеля, не считавшего себя вправе препятствовать работе своего бывшего начальника. Кроме того, фон Лампе рассказал об эпизоде, когда после смерти Врангеля “через лицо родственное и лично близкое генералу Деникину” он осведомил его “о характере последнего редактирования”.¹²⁵

В целом статья фон Лампе “Врангель – Деникин” создавала впечатление, что в эмиграции Врангель в отношении к Деникину оказался более выдержанным и тактичным. Конечно, Врангель думал при этом в первую очередь об укреплении авторитета оставшихся в живых лидеров Белого движения и о сплоченности военной части российской эмиграции, о единстве военных организаций, в рядах которых оставались как те, кто больше симпатизировал ему, так и те, кто склонялся на сторону Деникина, а немало было и таких, кто в равной степени сочувствовал им обоим и горько сожалел о неладах и конфликтах между ними. Собственно, фон Лампе дает в своей статье именно такое объяснение этой сложной ситуации и не пытается лицемерно утверждать, что после происшедшего разрыва Врангель как-то изменил свое личное отношение к Деникину.

В то же время, два момента в этой статье обращают на себя внимание как попытки фон Лампе несколько отойти от истины.

Во-первых, его утверждение, что Врангель “оставался совершенно спокойным”, когда сталкивался с критикой его действий Деникиным, которая всегда отличалась весомостью аргументов и образностью выражений. Это верно лишь относительно публичных высказываний Врангеля. Однако из того же дневника фон Лампе хорошо известно, насколько болезненно воспринимал Врангель слухи, распро-

странявшиеся “деникинскими кругами”, особенно о его причастности, пусть даже косвенной, к убийству в Константинополе генерала Романовского.

Во-вторых, фон Лампе сохранил в тайне, что сокращение “Записок” коснулось не только страниц, где описывались острые взаимоотношения Врангеля и Деникина, но и тех, где Врангель характеризовал различных военных и политических деятелей, начиная с Николая II. Естественно, что в условиях склоки между “николаевцами” и “кирилловцами” и обострения “монархического вопроса” в военных кругах эмиграции, фон Лампе, монархист до мозга костей, считал необходимым соблюдать особую осторожность.

Таким образом, независимо от намерений и расчетов Врангеля, сам факт выхода “Записок” был воспринят как ответ на “Очерки русской смуты” Деникина и явился поводом к возобновлению полемики на страницах эмигрантской печати между их сторонниками и противниками. Многие современники сочли, что “Записки” Врангеля имели главную цель не объективный показ истории Белого движения на юге, а исключительно оправдание его борьбы против Деникина во второй половине 1919 – начале 1920 гг.

Ныне, когда могилы двух главнокомандующих разделены океаном, а история, как и предсказывал когда-то Деникин, “подводит итоги их деяниям”, напрашивается одно предположение. Возможно, оно приходило в голову и фон Лампе, но он не осмелился высказать его вслух. А именно: главным мотивом, которым руководствовался Врангель при сокращении и уничтожении части “Записок”, касавшейся их конфликта с Деникиным, было возникшее в какой-то момент ощущение своей неправоты. Горечь и тяготы изгнания не могли не умерить честолюбие Врангеля. Понимая, что не судят только победителей и предчувствуя близкий конец, он не мог если не осудить, то хотя бы не упрекнуть себя. Тогда, на юге России, каждый из них – Деникин и Врангель – отстаивал свой путь освобождения России от большевизма, каждый только себя считал способным добиться победы. Поражение им выпало одно на двоих. Изгнание тоже.

5 апреля 1920 г. около 3 часов дня на рейде Константинополя напротив пристани Топ-Ханэ бросил якорь прибывший из Феодосии линкор британского флота “Император Индии”. На его борту находились А.И. Деникин, накануне сдавший П.Н. Врангелю пост главнокомандующего Вооруженными силами на юге России, его близкий друг и бывший начальник его штаба генерал И.П. Романовский и бывший же начальник британской военной миссии при главкоме ВСЮР генерал Хольмэн.

В начале пятого катер доставил их на пристань. Там уже ожидался военный представитель главкома ВСЮР в Константинополе генерал В.П. Агапеев и офицер из штаба британских оккупационных сил с автомобилями. Агапеев, лишь полтора часа назад извещенный по телефону военно-морским агентом (Представителем Морского управления. – *Авт.*) о прибытии Деникина, был несколько растерян: никаких известий, а тем более инструкций на сей счет из Севастополя, где уже распорядился Врангель, не поступало.

Вместе с Деникиным, одетым в штатский костюм, Романовским и Хольмэном из катера вышли дочь и сын Корнилова, заботу о которых после его гибели принял на себя Деникин.

Выглядевший совершенно опустошенным, бывший главком почти машинально спросил Агапеева:

- Ну, как союзники?

Пока тот кратко отвечал на вопрос, Хольмэн выслушал доклад своего офицера. Помрачнев, он подошел к Деникину и предложил ему сразу же поехать на английский военный корабль, готовящийся к отплытию в Лондон. Англичане что-то подозревали... Однако Деникин отмахнулся: он спешил в русское посольство, где уже вторую неделю жили его молодая жена и годовалая дочь. В семье он жаждал найти наконец успокоение.

Простившись с Хольмэном, Деникин и Романовский сели в один из присланных англичанами автомобилей. Детей Корнилова пригласил в свою машину Агапеев.

Деникин и Романовский доехали быстро. Агапеев значительно отстал. Ворота посольства России на улице Пера были нараспашку, охраны никакой. Большой двор загромодили имуществом беженцев. Люди, пережившие кошмар эвакуации Новороссийска, с полуобезумевшими лицами, растрепанные, сидели на земле, подстелив, что попало, возле своих вещей. На руках многих женщин спали дети. Посольство превратилось в беженскую ночлежку: громадные залы раз-

делили на “углы”, заставили чемоданами, коробками и корзинами. В основном здесь жили офицеры и чиновники с семьями.

Деникин направился было по широкой мраморной лестнице наверх, но встретивший их поверенный в делах Якимов показал ему рукой левее, в направлении следующего вестибюля, где, как он объяснил, в двух комнатах квартиры посла жила семья генерала.

Деникин и Романовский прошли вестибюль и просторную пустую бильярдную, отделявшую его от внутренних помещений. И уже почти перед самой дверью в комнаты, занимаемые семьей, Деникин вдруг спохватился, что оставил где-то папку с документами – скорее всего на катере. Обернувшись, он попросил Романовского распорядиться.

Романовский, как всегда невозмутимый, через бильярдную вернулся в главный вестибюль, пересек двор и послал только что подъехавший автомобиль Агапеева на пристань. На обратном пути у дверей его остановил заведующий пресс-бюро посольства полковник Хитрово, обратившийся с просьбой дать для опубликования экземпляр последнего приказа Деникина об отставке. Продиктовав на память приказ, Романовский направился туда, где он оставил бывшего главнокомандующего. Проходя по-прежнему пустую бильярдную, он отчетливо услышал за спиной торопливые шаги – его нагоняли.

- Генерал!

Остановившись, Романовский обернулся на незнакомый голос. Последнее, что он увидел: нацеленный на него в упор длинноствольный “парабеллум”. Один за другим раздалось два выстрела. Романовский рухнул на спину...

...Стрелявший вбежал наверх по главной лестнице, однако дверь на черный ход оказалась запертой. Тогда он бросился к стеклянной двери в средний зал, дернул ручку; она также оказалась запертой – ключ торчал с той стороны. Стоявшая за дверью беженка, увидев сквозь стекло офицера, подошла к двери, повернула ключ и открыла ее. Перед ней предстал высокий молодой человек в светло-серой шинели образца мирного времени с золотистыми погонами. Его удлиненное смуглое лицо было спокойно. Обронив “Мерси, мадам”, он быстро пересек зал и сбежал по черной лестнице, ведущей во двор. Через полминуты он уже вспрыгнул на подножку трамвая, проходившего мимо посольства в сторону площади Каракей.

Между тем Агапеев, оставив встревоженного выстрелами Деникина в комнате его жены, поспешил в их направлении. Войдя в бильярдную, он похолодел: на полу у двери в вестибюль лежал лицом вверх Романовский. Над ним, встав на колени, склонилась дочь Кор-

нилова. Сдерживая рыдания, она прикладывала платок к ранке на груди Романовского, из которой струилась кровь. Подняв глаза на оцепеневшего Агапеева, она воскликнула:

- Ради Бога, скорее доктора!

Бросившись на квартиру живущего рядом с посольством доктора, Агапеев быстро привел его в бильярдную. Но тому оставалось лишь констатировать то, что и без него было ясно сбежавшимся в бильярдную работникам посольства и беженцам: генерал Романовский мертв. Пуля попала точно в сердце.

Когда эту страшную весть сообщили Деникину, он потерял сознание. Впервые в жизни.¹²⁷

Пока доктор приводил бывшего главкома в чувство, Ксения Деникина потребовала от Агапеева связаться с Хольмэном и попросить его срочно приехать.

Хольмэн не заставил себя ждать. Вместе с ним прибыли генерал Уольш, начальник британской полиции в Константинополе, английские полицейские и караул новозеландских стрелков. Поправ экстерриториальность посольства, англичане выставили свою охрану у комнат Деникина. На жесткий вопрос Хольмэна, какие были приняты меры по охране Деникина и Романовского, Агапееву ничего не оставалось, как оправдываться тем, что он был предупрежден об их приезде лишь за полтора часа и поэтому не имел возможности принять какие-либо меры.

То же самое на следующий день Агапеев заявил генералу Мильну, командующему британскими сухопутными силами и военному губернатору Константинополя. При этом, не желая обострять отношения с англичанами, Агапеев дипломатично не напомнил губернатору, что никто иной, как он сам двумя месяцами раньше ответил категорическим отказом на просьбу Агапеева разрешить выставить у посольства русскую вооруженную охрану. Слушая через переводчика оправдания Агапеева, дескать он “ничего не знал”, Мильн не выдержал и резко перебил:

- О большом заговоре на жизнь генерала Романовского знали все!¹²⁸

Действительно, на долю Ивана Павловича Романовского в Белом движении выпал тяжкий жребий: близкий друг Деникина и начальник его штаба с апреля 1918 г., он к концу 1919 г. стал объектом ненависти армейского офицерства и тыловой “общественности”. Не углубляясь в причины поражений армии и развала тыла, они искали виновных. Романовский, чья невозмутимость и уверенность часто

воспринимались как холодность и высокомерие, отличался от Деникина куда большей решительностью и твердостью. Он принимал на себя развязывание конфликтных узлов, охлаждение не в меру разгоряченных начальственных честолюбий, нейтрализацию интриг и покушений на власть главкома. В итоге он нажил немало недоброжелателей в штабных и правительственных кругах, включая Врангеля и его соратников, а офицерская масса и “общественность” стали именно его считать “злым гением” Деникина. Стоустая молва приписывала ему ошибки в разработке операций, непринятие мер по налаживанию тыла, участие в спекуляциях и хищениях. Наиболее ярые монархисты обвиняли начальника главного штаба в “жидомасонстве” и... большевизме. В начале 1920 г., по мере отступления ВСЮР к черноморским портам и нарастания тыловой разрухи, озлобление против Романовского усиливалось с каждым днем.

В марте 1920 г. в обреченном на сдачу и эвакуацию Новороссийске, где скопилось почти 20 тыс. офицеров, ненависть против Романовского достигла точки кипения. Вынашивались и открыто обсуждались планы его убийства или предъявления Деникину ультиматума о его снятии с должности. Романовский был хорошо осведомлен об отношении к нему офицерской среды. Несколько раз он просил Деникина сместить его, дабы разрядить сгустившуюся вокруг Ставки атмосферу ненависти и клеветы. Однако Деникин неизменно отказывался. Мотив был один и тот же: он, Романовский, “у него единственный человек, которому он во всем верит”.

Г. Шавельский, протопресвитер армии и флота, попытавшийся убедить главкома заменить Романовского для общего блага, получил такой же ответ:

“...- Не могу!.. Иван Павлович единственный у меня человек, которому я безгранично верю, от которого у меня нет секретов. Не могу отпустить его.

- Вы не хотите отпустить его. Чего же вы хотите дождаться? Чтобы Ивана Павловича убили в вашем поезде, а вам затем ультимативно продиктовали требования? Каково будет тогда ваше положение? Наконец, пожалейте семью Ивана Павловича!”¹²⁹

Деникин, душевно обессиленный, так и не внял голосу разума. Что было в его власти, сделал Хольмэн: поезд Ставки, стоявший на Каботажной пристани, оцепив колючей проволокой, взяли под охрану английские караулы с броневиком.

После эвакуации остатков ВСЮР в Крым Деникин, поселившийся вместе со штабом в Феодосии, в гостинице “Астория”, решил-

ся-таки на этот тяжкий, но неизбежный шаг. 16(29) марта после очередной просьбы Романовского, он снял своего друга с поста начальника штаба главкома, заменив его генералом П.С. Махровым. Сделал он это, вероятнее всего, потому, что осознал неизбежность и собственного скорого ухода...

22 марта (4 апреля), в Вербное воскресенье, когда в Севастополе шло заседание созванного Деникиным военного совета для выборов нового главнокомандующего, Романовский пришел в феодосийский соборный храм, где совершал литургию Шавельский. Дождавшись, когда закончилась служба, он подошел проститься. Шавельский благословил его просфорой и проводил до набережной. Утешая бывшего начштаба, он пытался подкрепить его надеждой, что “сплетшиеся около его имени злоба и клевета рассеются, а правда засияет”.¹³⁰

Не прошло и двух суток, как пули террориста оборвали жизнь Романовского и его надежды, что правда рано или поздно одолеет злобу и клевету.

Посольские власти начали расследование по горячим следам. На следующий день собственную следственную комиссию организовали англичане, бесцеремонно задерживая и допрашивая свидетелей – служащих посольства и беженцев. Быстро было установлено, что в течение нескольких дней, предшествовавших убийству, какие-то русские офицеры настойчиво расспрашивали посольских швейцаров, приехал ли Романовский.¹³¹ Двум-трем случайным свидетелям удалось запомнить террориста. Один из них, денщик графа Шувалова, стоявший в зале у стеклянной перегородки и потому не замеченный стрелявшим в Романовского, совершенно случайно, но отчетливо видел сцену убийства через зеркало на лестничной площадке. Их описания в основных чертах совпали: высокий молодой человек, худощавый, шатен, лицо смуглое, в офицерской форме – светлой шинели образца мирного времени с золотистыми погонами.¹³²

Для англичан было очевидно: убийцу следует искать среди тысяч офицеров ВСЮР, наводнивших город: раненых, выздоравливающих, командированных и эвакуированных. 8 апреля генерал Мильн через русское посольство оповестил “всех русских, проживающих в Константинополе и его окрестностях”, что британские власти ожидают их содействия в розыске убийцы генерала Романовского, находившегося в Константинополе “под покровительством” Великобритании. Если же розыски не увенчаются успехом, губернатор при-

грозил офицерам и их семьям высылкой в Крым. Одновременно русским военным было приказано пройти регистрацию в посольстве.¹³³

Такой оборот дела вызвал недовольство и противодействие дипломатического и военного представительств ВСЮР. Якимов и Агапеев возмущенно заявили, что нельзя не пойманного еще убийцу заранее объявлять русским офицером, что террорист вполне мог быть “иностранцем, большевиком или даже англичанином”.¹³⁴

В душе, однако, ни Агапеев, ни другие служащие посольства не сомневались, что убийцей был именно русский офицер. Фон Лампе, служивший в то время в военном представительстве, записал в дневнике: “Впечатление от этого убийства – липкой грязи. Зачем было убивать человека, уже ушедшего от власти? Здесь не могло быть желание освободить армию от человека с вредным влиянием, не было ничего, что хоть несколько оправдывало бы факт убийства, а месть – да стоит ли это, лучше уж мстить Троцкому и т.п., он гораздо больше зла сделал России. Очевидно, здесь работа происходила под лозунгом “Ты думал уйти, так на же тебе...” Грязно и гнусно это. Впечатление лужи грязи. А ведь я никогда не любил Романовского и очень не хотел здесь с ним встречаться. Каково же Деникину, который, в сущности, свою репутацию утопил в отношении к Романовскому. А впрочем, и он сдал: приказ об отставке Романовского и назначении на его место Махрова был издан раньше приказа о назначении Врангеля”.¹³⁵

Развивая некоторое время спустя мысль о той роковой роли, которую сыграл вольно или невольно Деникин в судьбе друга и помощника, фон Лампе так резюмировал свой разговор с вдовой генерала: “Она клянется, что Романовский заведомо брал на себя грехи Деникина, и когда она убеждала его этого не делать, отвечал, что она ничего не понимает, что власть Деникина должна быть чиста, а он, Романовский, уйдет в свое время”.¹³⁶

Беженский Константинополь убитому не сочувствовал. Однако причины убийства обсуждались весьма живо, особенно в посольском дворе. Большинство придерживалось мнения, что Романовскому отомстили за все неудачи армии и эвакуацию Новороссийска. Некоторые полагали, что это была месть со стороны монархистов за нежелание Романовского продолжать борьбу с большевиками под командованием Врангеля. Другие высказывались в том смысле, что убивать следовало не Романовского, а генерала А.С. Лукомского, возглавлявшего Особое совещание и ответственного за внутреннюю политику. Наконец, были и такие, кто считал убийство делом рук большевиков, стремящихся ликвидировать верхушку Белого движения.¹³⁷

Британские оккупационные власти, вывезя в тот же вечер Деникина с семьей в Англию и возложив всю ответственность на русское посольство, вскоре бросили расследование на полпути. Дипломатическое и военное представительства собственными возможностями вести следствие в Константинополе не располагали. Беженская молва утверждала, что “убийца, безусловно, кому следует известен, но, по некоторым причинам, решили это дело прекратить”. А то, что на убийство Романовского никак не отозвалась официальная печать Врангеля, заставило многих предположить что “в этом убийстве были замешаны верхи”.¹³⁸

Завершая в 1926 г “Очерки русской смуты”, Деникин подвел жесткий итог константинопольской драме: “Моральных убийц Романовского я знаю хорошо. Физический убийца, носивший форму русского офицера – скрылся. Не знаю – жив ли он, или правду говорит молва, будто для сокрытия следов преступления его утопили в Босфоре”.¹³⁹

Это было больше, чем намек. Так и не найденный убийца многими прямо или косвенно связывался с Врангелем.

Прошло еще десять лет и 9 февраля 1936 г. в парижских “Последних новостях” один из самых известных эмигрантских литераторов Роман Гуль опубликовал сенсационную статью “Кто убил генерала Романовского?”.

“Недавно, – писал Гуль, – мне переданы лицом, заслуживающим абсолютного доверия, документы, до известной степени приподнимающие покров над этим загадочным преступлением. Лицо, передавшее эти документы, хорошо знало русские константинопольские круги, в которых вращался убийца генерала Романовского, а самого убийцу знало с гимназических лет. Этому лицу убийца и оставил приводимые здесь документы и сам рассказал, как он убил генерала Романовского”.¹⁴⁰

Далее, используя известные приметы убийцы, он кратко описал сцену террористического акта:

“...Перед зданием посольства, ожидая генерала Романовского, уже прохаживался высокий, худой поручик “с желтым лицом”, одетый “в светлую шинель мирного времени”. Это и был член тайной крайне правой организации, вынесшей смертный приговор Романовскому.

Когда Деникин и Романовский подъехали, у здания посольства собралась группа русских офицеров, их жен, здесь же были сложены

чемоданы. В группе стоял и поручик-убийца с заряженным “парабеллумом” в кармане.

Генерал Романовский вошел в помещение русского посольства. Офицер “в светлой шинели мирного времени” пошел за ним. Обстановка для убийства складывалась благоприятно. Романовский вошел в бильярдную комнату, в которой не было решительно никого. За Романовским вошел в бильярдную и высокий офицер, нагоняя генерала. И когда Романовский был почти уже у двери, офицер окликнул его: “Генерал!”.

Романовский обернулся. В этот момент, выхватив “парабеллум”, “офицер в светлой шинели” с двух шагов разрядил его в Романовского. Романовский упал, обливаясь кровью. А офицер бросился назад к двери. Но тут произошла частая в подобных случаях странность. Вместо того, чтобы бежать к выходу, убийца почему-то бросился вверх по лестнице посольства (он сам этого не мог объяснить). Первая дверь, которую он попробовал растворить, оказалась заперта. Тогда убийца бросился этажом выше, но здесь прямо ему навстречу вышла неизвестная дама (она была единственным свидетелем, видевшим убийцу). Увидев перед собой даму, убийца пришел в себя и, вместо того, чтобы бежать дальше вверх, овладел собой, спокойно спустился с лестницы, вышел, сел на проходивший в тот момент трамвай и уехал к себе на квартиру, находившуюся в Шишли.

Так рассказал обстановку убийства сам убийца, поручик Мстислав Алексеевич Харузин...

Вот его удостоверение:

“Удостоверение № 352

Дано сие поручику Мстиславу Алексеевичу Харузину в том, что он действительно состоит на службе в Константинопольском информационном отделении Отдела пропаганды “Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России”, что подписью с приложением казенной печати удостоверяется.

Константинополь,

6 сентября 1919 г.(н.ст.)

Вр.и.д. начальника отделения *Г.Курлов*
Секретарь (подпись неразборчива)”

Так впервые в зарубежье прозвучало имя террориста, убившего одного из основателей Добровольческой армии.

Многое убеждает в достоверности информации, полученной Гулем от неизвестного нам лица. Во-первых, Харузин оставался в заблуждении, что его видела лишь беженка, открывшая ему дверь в зал, а денщика графа Шувалова он не заметил. Во-вторых, Гуль, никогда не бывавший в здании русского посольства в Константинополе, дал довольно точное, за исключением отдельных деталей, описание места события. Наконец, в-третьих, текст документа не вызывает сомнений в его подлинности.

Далее Гуль сообщил об известных ему фактах биографии поручика Харузина и его дальнейшей судьбе.

“Лица, прекрасно знавшие тогдашнюю константинопольскую обстановку, говорят, что установить личность убийцы не представляло, конечно, никакого труда. Но английское следствие, не пролив света на убийство, оборвалось потому, что англичан детальное расследование этого дела не интересовало: не их территория, не их жертва, не их убийца.

Русское же следствие тоже оборвалось, но, вероятно, по другим причинам.

И “где-то наверху” (Р. Гуль явно намекает на нового главкома ВСЮР генерала П.Н. Врангеля и его ближайшее окружение, чья враждебность к Романовскому были слишком хорошо известны. – *Авт.*) было решено дело потушить, а убийцу скрыть, отправив его из Константинополя. Такая отправка Харузина была тем более легка, что он был очень близок к русскому константинопольскому консульству.

Консульство быстро помогло Харузину получить “командировку” к Кемаль-паше в Анкару для “установления связи с начинающимся кемалистским движением”. Но и с этой командировкой Харузин не торопился. Он выехал только через месяц после убийства генерала Романовского.

В это время Кемаль-паша отбивался от греков. Путешествие в Анкару представляло большой риск. Возможно, что лица, посылавшие Харузина, учитывали этот риск, полагая, что из этой поездки “на тот свет” Харузин, может быть, и не вернется. Так и вышло. Харузин действительно не вернулся. (От какой пули погиб убийца Романовского – от греческой ли, турецкой, или просто бандитской – неизвестно).

Вещи Харузина оставались на квартире в Шишли. Прошел месяц, два, три, полгода. Сначала о Харузине в офицерских кругах появлялись легенды, что он действует у Кемаль-паши под именем Кару-Зен. Но легенды таяли... И, наконец, выяснилось, что Харузина нет в живых.

Тогда лежавший в его вещах конверт, запечатанный сургучной печатью, был вскрыт. В конверте был лист бумаги, на котором рукой Харузина было написано следующее:

“Сообщение

Сообщаю, что 5 апреля 1920 г. в 5 ч. 15 м. дня в бильярдной комнате русского посольства в Константинополе из револьвера системы “парабеллум” мною убит двумя выстрелами ген. Романовский. Подтвердить могут лица, видевшие факт и узнавшие о нем немедленно.

Мстислав
Харузин”.

К тому моменту, когда в Париже была опубликована статья Гуля, некто Б.С. Кучевалов написал очерк “Убийство генерала Романовского”. До сих пор не опубликованный полностью¹⁴¹, он хранится в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, Калифорния, США). Автор, судя по всему, в 1919 – 1920 гг. жил в Константинополе и хорошо знал поручика Харузина и близких ему лиц. Один из них и рассказал ему подробно о подготовке и осуществлении теракта и о самом террористе.

Сопоставление статьи Гуля и очерка Кучевалова приводит к выводу: их информаторами были два разных лица. Так, Кучевалов не располагал документами, опубликованными Гулем, зато знал многие важные обстоятельства подготовки и осуществления теракта. В некоторых моментах не совпадают и приводимые ими факты биографии Харузина. Наконец, в отличие от Гуля, Кучевалов куда более конкретно знал его дальнейшую судьбу.

Родился Мстислав Харузин в 1893 г. в старой дворянской семье, весьма состоятельной. Его отец, человек крайне правых убеждений, в период революции 1905 г. был Бессарабским генерал-губернатором, впоследствии сенатором. Именно при нем произошли потрясшие всю страну черносотенные погромы еврейского населения и интеллигенции в Кишиневе.

Как пишет Кучевалов, в самом начале их личного знакомства Харузин поразил его своими взглядами: “...На мое замечание о несправедливости и жестокости, чинимой англичанами по отношению к индусу (Имеются в виду, вероятно, офицеры или солдаты британских оккупационных войск в Константинополе. – *Авт.*), Х. мне заявил, что

эту мол-де дрянь надо держать в черном теле, как и русских мужиков, так как, если им хоть немножко отпустить вожжи, то они всем горло перегрызут.

О происхождении и о детстве поручика Х. я слышал кое-что от него самого, а кое-что от наших с ним общих знакомых.

Вспоминаю его рассказ о том, как они со своим братом любили играть в войну, причем для этой цели в их распоряжение была отведена специальная комната и предоставлены им сотни оловянных солдатиков и прочего “военного материала”. Летом эти игры происходили в большом саду их московского особняка. На таких играх присутствовали часто, как на интересном зрелище, даже взрослые...”

В 1912 г. Мстислав Харузин окончил в Москве гимназию Медведниковых и поступил в Лазаревский институт восточных языков, где изучал турецкий язык и Турцию, увлекался археологией. Одновременно он учился на Историко-филологическом факультете Московского университета. Хорошо владел английским, французским и турецким. Увлеченный Востоком, в 1914 г. он поехал в Египет.

Мировая война застала Харузина в Константинополе. Он возвратился в Россию, но не пошел служить в строевую часть, а устроился в отряд Красного Креста. В 1915 г. он поступил в Михайловское артиллерийское училище.

Как пишет Кучевалов, во время Мировой войны Харузин успел послужить в артиллерии, хотя и оговаривается, что не знает, в какой именно части. И в Гражданскую войну он некоторое время был на фронте, а затем, уже в конце 1918 г., поступил на службу в “Осваг” – Осведомительное агентство при председателе Особого совещания при главкоме ВСЮР, которое ведало пропагандой на занятой территории, одновременно выполняя функции контрразведки (в феврале 1919 г. было реорганизовано в Отдел пропаганды). С начала 1919 г. он служил в Константинопольском отделении “Освага”, при этом неофициально работая на “Азбуку” – разведывательную организацию, созданную В.В. Шульгиным и снабжавшую информацией главное командование ВСЮР.

Гуль, напротив, утверждает, что Михайловское артиллерийское училище Харузин окончил лишь перед Февральской революцией и не служил в строевых частях ни в Мировую, ни в Гражданскую войны. “В Добровольческой армии Харузин все время работал во всевозможных “секретных”, “особых” и “разведывательных” организациях, принадлежа к распространенному типу тыловых “контрразведчиков”. Убивший боевого генерала Романовского, участника Мировой войны,

участника “Ледяного похода” и всей последующей борьбы Добровольческой армии, Харузин сам никогда на фронте не был и войны не видел. Его жизнь проходила в тыловой атмосфере конспирации, подпольщины, заговоров и интриг, ведшихся самыми темными закулисными элементами армии.

Как владеющий восточными языками, Харузин отправлялся не только на Кавказ, но и в Туркестан и в Турцию. Турцию Харузин особенно любил и даже “считал себя турком”, действительно собираясь стать мусульманином.

По своим политическим взглядам, утверждает Кучевалов, Харузин “был ярко выраженным правым монархистом и работал активно в разнообразных монархических организациях и союзах... В Константинополе, кроме информаторской и разведывательной работы, он усиленно занимался изучением модного тогда вопроса о “жидомасонстве” и в этой области был весьма сведущ.

Среди турок в Константинополе он имел довольно обширные знакомства в кемалистских кругах и был большим англофобом”.

По мнению Гуля, “работа во всяческих тайных организациях, разумеется, давала и неуравновешенности, и всем странностям Харузина богатую пищу. Близко знавшие Харузина отмечают в нем крайнее позерство и манию величия, хотя бы геростратова. Никогда не видевший боев, Харузин нередко высказывал близким желание “попробовать волю” – убить.

Для тайной террористической монархической организации, в которой состоял Харузин, он был суший клад. Этот обремененный “маниями” человек был чрезвычайно подходящ для роли исполнителя террористического акта. Наряду с многими завиральными идеями Харузин считал также необходимым “бороться с жидомасонством”. А так как... крайне правые генералы (И в этом случае Р. Гуль намекает прежде всего на П.Н. Врангеля. – *Авт.*) и поддерживавшие их группы пустили в оборот примитивную агитку, относя все поражения Добровольческой армии на счет генерала Романовского, “продавшего армию жидомасонам”, то, естественно, что этими организациями генерал Романовский и был выставлен, как мишень, для пуль одержимого Харузина. Харузин же этим “актом” служил не только идеям своей тайной организации, но и удовлетворял свое давнее желание “попробовать волю””.

В отличие от Гуля, Кучевалов даже косвенно не связывает театр с Врангелем и не впадает в морализаторство, строго придерживаясь известных ему фактов. Как явствует из его очерка, незадолго до

приезда в Константинополь Деникина и Романовского там состоялось совещание трех лиц: поручика Х., поручика У. и В.И. Некрасова (в предисловии Кучевалов расшифровал имена первых двух: Х. – Мстислав Харузин, У. – Владимир Ионович Ересов; следовательно кто-то из двоих – Ересов или Некрасов – рассказал ему о подготовке и осуществлении теракта).

На совещании, во время которого обсуждался вопрос об ответственности Деникина и Романовского за поражения, Харузин настаивал на убийстве бывшего начальника штаба главкома, заявив, что "...Деникин ответственен, но на его совести нет темных пятен; генерал же Романовский запятнал себя связью, хотя и не доказанной, но по его личному мнению и на основании имеющихся у него документов существовавшей, хотя бы даже и косвенно, между генералом Романовским и константинопольскими банкирскими конторами, снабжавшими деньгами и документами большевистских агентов, ехавших на работу в Добровольческую армию.

Поручик Х. высказал свое категорическое решение и просил от двух других лиц их содействия или, в крайнем случае, полного молчания.

После всего этого все трое пошли обедать и больше ни единым словом не обмолвились о генерале Романовском".

"Мне лично кажется, – пишет далее Кучевалов, – что на категорическое решение поручика Х. привести в исполнение акт убийства имели влияние не только те данные, о которых он высказался на совещании трех. Я думаю, что поручик Х., состоявший активным членом правых монархических организаций, находился под их моральным давлением".

Все трое были прекрасно осведомлены о времени прибытия в Константинополь Деникина и Романовского. И 5 марта после полудня пришли в посольство, где расположились в вестибюле. Харузин заметил Романовского только тогда, когда тот вышел из здания, чтобы отдать приказание шоферу съездить на пристань за папкой, забытой Деникиным на катере. Он никогда прежде не видел бывшего начальника штаба главкома ВСЮР и обратился с вопросом к поручику Ересову, действительно ли это Романовский.

Тот, "видя возбужденное состояние и блестящие глаза поручика Х. и понимая, для чего он это спрашивает, ответил: "Не знаю, право". Тогда сидящий рядом В.И. Некрасов, желая сделать одолжение поручику Х., но тоже не зная хорошо генерала Романовского, обращается с этим

вопросам к князю Гагарину. Последний дает утвердительный ответ. Этот ответ В.И. Некрасов сообщает поручику Х.

Генерал Романовский, отдавши свои приказания, возвращается обратно, проходит через вестибюль и скрывается за дверь, ведущей в большой зал, который надо пройти, чтобы попасть в бильярдную и далее в комнату, занимаемую генералом (Б.С. Кучевалов снабдил текст планом посольства и прилегающей территории. – *Авт.*).

За генералом Романовским в зал быстро проходит поручик Х. Наблюдая эту картину и понимая, к чему все это клонится, поручик У. берет за руку В.И. Некрасова и тоже направляется в зал, но они не успевают сделать нескольких шагов, как из глубины зала послышался довольно громкий окрик: “Генерал!”, затем какие-то невнятные слова и вслед за этим раздаются один за другим с небольшим промежутком два выстрела.

Несколько секунд царило гробовое молчание. Поручик У. увидел через открытую дверь, как поручик Х. быстро проходит, почти бежит, через зал, направляясь к лестнице, ведущей на второй этаж, занимаемый беженцами. В правой руке Х. держал “парабеллум” и нажимал на спуск (как потом мне стало известно, третий патрон заклинился и, таким образом, “парабеллум” стал безопасным оружием в руках Х. и для тех, кто захотел бы задержать Х., не было никакой опасности). Затем поручик У. видел, как Х. возвращался (как потом было выяснено на следствии, дверь, соединяющая бельэтаж со вторым этажом и выходящая на лестницу, была заперта и Х. не мог через нее проникнуть в комнаты, переполненные беженцами) от лестницы и быстро пробежал опять через зал, направляясь к квартире военного агента (Генерала В.П. Агапеева. – *Авт.*) В это время сверху с лестницы раздался крик: “Романовский застрелился!” Это кричал какой-то подпоручий или офицер, который с верхнего этажа видел Х., тщетно пытавшегося открыть дверь в помещение беженцев и как будто громко говорившего: “Генерал Романовский застрелился, нужна помощь!”

Публика, находившаяся в вестибюле, готова была уже броситься в зал, но оттуда вдруг раздалась истерические женские крики: “Убили! Убили! Генерала Романовского убили!” Мужество опять оставило находившихся в вестибюле – и все как бы замерил на своих местах.

За эти несколько минут замешательства и страха поручик Х. успел пройти через коридор квартиры военного агента к драгоманату (Старое здание посольства. – *Авт.*), а оттуда боковым выходом из ограды посольства на узкую улочку, перпендикулярную Пера. Располо-

жение комнат, коридоров и вообще всех входов здания русского посольства в Константинополе поручик Х. знал очень хорошо.

Публика, находившаяся в вестибюле, наконец опомнилась и ринулась в зал. Через зал к месту убийства уже бежал со всех сторон народ. Тело генерала Романовского лежало на полу в бильярдной в нескольких шагах от двери его комнаты. Генерал был убит наповал двумя пулями: одна попала в область сердца, когда он еще стоял на ногах, а вторая – в шею, пробив сонную артерию, когда генерал уже упал (пуля застряла в полу). Смерть наступила мгновенно.

Поручик У., взяв под руку В.И. Некрасова, вышел с ним во двор.

Здесь метался генерал Агапеев, организуя оцепление посольства. Увидев поручика У., он попросил взять на себя наблюдение за оцеплением, и в это время начался обыск во всем здании посольства, который не дал никаких результатов, так как Х. был уже на пути к себе домой далеко от здания посольства...”

Пересказанное Кучеваловым почти полностью воссоздает картину убийства. Несмотря на многие несовпадения в деталях с другими описаниями (Агапеева, Гуля и Слободского, находившегося в здании посольства в качестве беженца) и остающиеся открытыми вопросы, очевидно главное: террористический акт не был тщательно подготовлен, осуществить его удалось лишь в силу случайного совпадения обстоятельств и лишь случай помог террористу покинуть место преступления.

Трудно сказать, как сложилась бы дальнейшая судьба Мстислава Харузина, если бы не его активное и заинтересованное участие в налаживании переговоров между Врангелем и Кемаль-пашой. Как утверждает Кучевалов, “эти переговоры (весна и лето 1920 г.) шли настолько успешно, что кемалисты как будто соглашались порвать с большевиками и заключить союз с генералом Врангелем. Дело уже дошло до того, что министерство иностранных дел (Управление внешних сношений. – *Авт.*) врангелевского правительства собиралось послать в Ангору (В Ангоре – современная Анкара – находилась ставка Кемаль-паши. – *Авт.*) особую миссию с В.И. Некрасовым во главе. Состав миссии намечался, насколько мне помнится, такой: В.И. Некрасов – глава миссии, Шапшал – драгоман (Переводчик. – *Авт.*), Алешин – секретарь, поручик Х. – консультант по военным вопросам и информации, крымский муфтий – для представительства и связи с магометанским миром. Но проект отправки этой миссии не осуществился. Переговоры затянулись. И вот поручик Х., чтобы ускорить эти

переговоры и вместе с тем удалиться из Константинополя, где ему было не совсем безопасно, добивается командировки к Кемаль-паше.

Деньги на дорогу ему дает Нератов – дипломатический представитель, убежденный Некрасовым и Шапшалом в полезности этой командировки.

Поручик Х. уехал из Константинополя в Малую Азию, и с тех пор не было получено от него лично никаких вестей. Долгое время о нем никто ничего не знал. Но вот однажды в кемалистской газете появился его портрет в турецкой генеральской форме с надписью, что мол-де это такой-то паша разбил греков там-то. Это была последняя весть о поручике Х.

Впоследствии мы, однако, узнали через бывшего тайного представителя Кемаля в Константинополе господина Рушен-Эшреф-эффенди, который возвратился из Ангоры, что это газетное сообщение не соответствовало истине и что поручик Х. погиб при следующих обстоятельствах.

Пробираясь в Ангору во время наступления Кемаль-паши, он был схвачен передовыми нерегулярными бандами и по подозрению, что он является английским шпионом, был повешен. Но чтобы это скрыть на первое время, так как Ангора была предупреждена о командировке поручика Х., а генерал Врангель делал тогда успехи, штаб Кемаль-паши распорядился сначала поместить его портрет и этим показать, что поручик Х. прибыл благополучно и принимает участие в боях, а затем был составлен фальшивый акт о его смерти в бою”.

Нужда публиковать этот фальшивый акт в газетах вскоре, однако, отпала, поскольку Русская армия Врангеля, потерпев поражение, эвакуировалась с юга России.

Итак, история выполнила работу следствия: мотивы преступления, личности террориста и его сообщников установлены. Один из вождей Белого движения на юге России был убит сотрудником Отдела пропаганды при правительстве ВСЮР – поручиком М.А. Харузиным. Соучастниками теракта явились служащие дипломатического и военного представительств ВСЮР в Константинополе В.И. Некрасов и поручик В.И. Ересов. Убийца не понес заслуженного наказания, его жизнь была оборвана нелепой превратностью войны.

Но многое в этом трагическом и, нельзя не согласиться с фон Лампе, грязном событии еще остается тайной. Членом каких именно нелегальных монархических организаций состоял поручик Харузин? Какие лица стояли во главе этих организаций и были ли они как-то связаны с Врангелем или его окружением? В чем конкретно состояло

“моральное давление” этих организаций на Харузина? Знал ли Врангель или кто-то из его подчиненных истинные обстоятельства теракта и имя террориста? В какой степени командировка Харузина в Анкару была попыткой спрятать концы в воду? Действительно ли Харузин погиб осенью 1920 г. и не была ли его смерть мистификацией?

Возможно, этим вопросам суждено навеки остаться без ответов. А возможно, историки Белого движения и Российского зарубежья доведут “следствие” до конца. У нас, в отличие от англичан в 1920 г., резоны есть: наша территория, наша жертва, наш убийца.

* * *

В десятых числах октября 1922 г. на железнодорожном вокзале Софии полицией был арестован адъютант генерала В.Л. Покровского русский офицер М. Власов, намеревавшийся ехать в Белград. Болгарские власти, пытаясь держать под контролем части армии Врангеля, расположенные на своей территории и тем более – во враждебном Королевстве Сербов, Хорватов, Словенцев, установили на вокзале особый пропускной пункт для русских, выезжавших в королевство и приезжавших оттуда. На этом пропускном пункте русские и их багаж подвергались особенно тщательному досмотру. У Власова было обнаружено собственноручное письмо Покровского от 10 октября, адресованное генералу А.А. Боровскому, из которого стало известно, что Покровский тайно готовит в Варне десантную операцию на Кубань.¹⁴²

33-летний генерал-лейтенант Виктор Леонидович Покровский был личностью известной. Выпускник Одесского кадетского корпуса (1906 г.) и Павловского военного училища (1909 г.), в 1912 – 1913 гг. он учился в С.-Петербургском политехническом институте в классе авиации и уже после начала Мировой войны, в ноябре 1914 г., успешно окончил Офицерскую воздухоплавательную школу в Севастополе. В 1915 г., будучи летчиком 2-го Сибирского корпусного авиаотряда, поручик Покровский прославился на всю Россию, впервые на Восточном фронте сбив германский самолет тараном. После большевистского переворота он уехал на Кубань, где в январе 1918 г. в чине капитана сформировал из офицеров и казаков добровольческий отряд. За успешные действия против большевиков кубанские власти назначили его командующим войсками Кубанского края, ускоренно произведя в полковники, а в марте – в генерал-майоры. С февраля по август 1919 г. он командовал 1-м кубанским конным корпусом, входившим в состав

ВСЮР, и за боевые заслуги был произведен Деникиным в генерал-лейтенанты.

В Гражданскую войну Покровский “прославился” исключительной жестокостью: он и сам был скор на бессудные казни “сочувствующих большевизму”, и подчиненные ему военно-полевые суды в занятых местностях буквально сооружали частоколы из виселиц. Войска, которыми он командовал, отличались массовыми грабежами населения, соперничая в этом плане с кубанскими частями генерала А.Г. Шкуро. В ноябре 1919 г., выполняя приказания главкома ВСЮР Деникина и командующего Кавказской армии Врангеля, он жестоко расправился с “самостийниками” в Кубанской раде, которые отстаивали “независимость” Кубани от ВСЮР, арестовав их лидеров и повесив одного из них – священника Калабухова. В то время как большинство кубанских общественных деятелей ненавидело крайне честолюбивого и жестокого комкора, опасаясь его претензий на пост Кубанского атамана, среди простых казаков он был весьма популярен несмотря на свое неказачье происхождение.

Его страшная репутация вешателя подчеркивалась внешним видом. Невысокая сутуловатая фигура, затянутая в неизменную черкеску, нахмуренный лоб, крючковатый птичий нос и пронзительный взгляд темных глаз напоминали беспощадного степного хищника. Грозный вид вооруженных до зубов офицеров его личного конвоя – чеченцев и ингушей – еще сильнее сгущал атмосферу страха вокруг обожаемого ими начальника.

С декабря 1919 по февраль 1920 гг. Покровский командовал Кавказской армией, пока Деникин не снял его по причине полного разложения кубанских казачьих частей, составлявших армию. Врангель, возглавив ВСЮР в марте 1920 г., прекрасно знал о жестокости и грабительских наклонностях Покровского и не дал ему никакой командной должности. Весь Крым облетела брошенная новым главкомом фраза: “А таких генералов, как Покровский и Шкуро, я на пушечный выстрел не подпущу к своей армии”¹⁴³.

Выехав из Крыма в мае 1920 г., Покровский какое-то время жил в Париже, Берлине и Вене. Его деятельная натура никак не мирилась с вынужденным эмигрантским бездельем. Отличаясь предприимчивостью, доходившей зачастую до авантюризма, и отвагой, он хватался за все способы продолжения борьбы. Такую возможность давали незатухающие, но разрозненные и плохо организованные вспышки вооруженного сопротивления большевикам на Кубани, сведения о которых разными путями доходили до эмиграции. Вдобавок, его воин-

ственные и честолюбивые замыслы подогревались сообщениями старых соратников о настроениях кубанских казаков в Сербии.

В июне 1921 г. командир 2-го Кубанского полка Ф. Головки писал ему из лагеря Вранье в Вену о неудачном десанте из Крыма на Кубань в августе 1920 г., командовать которым Врангель назначил кубанского генерала С.Г. Улагая: "...Ваше имя не забыто кубанскими казаками, и во многих станицах... старики интересовались, почему не было Вас – имя генерала Улагая для казаков было мертво. Подъема среди казаков не было и создать его не сумели".¹⁴⁴ По мнению Головки, "побывав за границей и испытав все тяжести изгнания, казаки прониклись национальным чувством... Казаки хотят в Россию, на Кубань, и пойдут за сильными личностями, политические платформы их не интересуют... Возможно ли казаками воспользоваться как боевым материалом и будут ли они драться? Возможно. Будут вновь драться при условии замены высшего командного состава".¹⁴⁵

Эта замена летом 1921 г. фактически уже шла, но благотворность ее итогов была весьма сомнительна. Более 3 тыс. кубанских казаков, перевезенных в Королевство СХС и сведенных в Кубанскую дивизию, почти поголовно ненавидели начдива генерала М.А. Фостикова (называя его не иначе, как "бисов сын Хвостик"), заботившегося больше о собственном материальном благополучии, чем о нуждах подчиненных. В итоге Кубанский атаман В.Г. Науменко отстранил Фостикова от должности, назначив вместо него генерала В.Э. Зборовского. Врангель же, переоценивая свой авторитет среди казаков и совершенно не считаясь с атаманом, негласно поддержал Фостикова и прислал временно командовать дивизией состоявшего при нем для поручений генерала Е.А. Аргифексова.

Этот конфликт и фактическое безвластие поставили казаков перед выбором: за кем идти, за атаманом или Врангелем? Головки писал Покровскому: "Думаю, что до этого не дойдет, но если дойдет, то может кончиться катастрофой и не в пользу главкома. В эту минуту Вы очень нужны были бы в Сербии".¹⁴⁶

Сложившаяся ситуация давала Покровскому хорошую возможность напомнить о себе казакам и собрать под свое знамя самые непримиримые и воинственные элементы кубанцев и горцев. Поскольку рассчитывать на официальное назначение Врангелем или Науменко не приходилось, путь был один: на свой страх и риск организовать и успешно осуществить десант на Кубань. Страх посещал его редко, а риск был его стихией.

Приехав в Болгарию, Покровский обосновался в Варне – наиболее удобном пункте для подготовки морского десанта. Консул Королевства СХС, который был посвящен в его планы, поселил его в своем доме и даже помог документами и деньгами.

Цель задуманной операции состояла в высадке на черноморском побережье Кубани вооруженных и политически подготовленных кадров для организации антибольшевистской пропаганды, диверсий и терактов. Предполагалось объединить разрозненные группы повстанцев и весной поднять на Северном Кавказе массовое повстанческое движение.

Штаб Врангеля, прежде всего генерал Е.К. Климович, руководивший разведкой и контрразведкой, были осведомлены о тайной деятельности Покровского в Варне. Позже в большевистской печати бездоказательно утверждалось, будто десантная операция на Кубань готовилась Покровским под руководством и на средства штаба Врангеля.¹⁴⁷ Однако советская военная разведка никакими достоверными данными на этот счет не располагала. Как явствует из подготовленного Разведывательным управлением Главного штаба РККА обзора “Контрреволюционные русские политические группы и вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России” за октябрь – декабрь 1922 г., Покровский действовал в Варне самостоятельно.

Прежде всего он сформировал штаб из преданных ему лиц: генералов Золотаревского, Гетманова и Муравьева, полковников Буряка и Бабкина, капитана Драгневича. Для большей свободы действий консул снабдил Покровского и его помощников паспортами Королевства СХС. Штаб приступил к детальному изучению черноморского побережья, вербовке и подготовке личного состава, его расквартированию и довольствию.

В Софии, Варне и других городах, где находились казачьи части и трудовые партии, были организованы разведывательные пункты, которые собирали информацию о настроениях казаков, деятельности кубанских командиров и общественных деятелей. Для более удобного и надежного проникновения на Северный Кавказ агенты организации внедрялись в “Союз возвращения на родину” и “Общеказачий земледельческий союз”. Предполагалось, что в составе возвращающихся в Советскую Россию больших партий казаков можно будет переправить на Кубань агентов для диверсионной, организаторской и политической работы.

Для перевозки штаба и командного состава будущих повстанческих формирований Покровский купил в Варне по бросовой цене

парусно-моторную шхуну, рассчитанную на 45 человек и 4 пулемета. Однако шхуна нуждалась в серьезном ремонте.

Из Королевства СХС ожидалось прибытие большой группы обмундированных кубанских и терских казаков, а также горцев подбравшихся неким Сычевым.

Покровский делал все возможное, чтобы скрыть деятельность своей диверсионной организации как от болгарских властей, так и большевистских агентов. Однако с конспирацией дела обстояли неважно: слухи о готовящемся десанте быстро стали расползаться среди офицеров и казаков. Чтобы преподать урок членам организации, по приказу Покровского был убит атаман кубанской Варненской станции генерал Муравьев, заподозренный в излишней болтливости.¹⁴⁸

На финансирование операции Покровский добился денег от банкиров Гайдукова и Трусовского, соответственно директора и управляющего делами “Русско-сербского дружества”. Консул дал ему заимообразно 56 000 лв. Наконец, Донской атаман Богаевский пообещал выпросить для нужд организации от 10 000 до 20 000 фр. у председателя Терского правительства Букановского.

На жалование своим людям Покровский не скупился: чины штаба получали по 2 000 лв. в месяц и отдельные авансы на служебные расходы, агенты и будущие диверсанты – по 50 лв. в сутки.

Самым слабым местом организации, по оценке разведки РККА, было отсутствие оружия и боеприпасов.

На софийской фабрике “Струг” через третьих лиц, одним из которых был Донской атаман Богаевский, была заказана партия ручных гранат.

Генерал Агоев, командир Терско-Астраханского полка, штаб которого располагался в Софии, согласился поделиться винтовками, закопанными в майские “самохваловские дни”. Однако они оказались напрочь испорченными.

Попытки Покровского уговорить командиров других добровольческих и донских частей снабдить его людей оружием долго не приносили результата: никто не хотел как действовать в обход Врангеля, так и быть уличенным болгарскими властями в антиправительственной деятельности, что грозило немедленной высылкой. Наконец, генерал Буров, начальник Александровского военного училища, и полковник Христофоров, командир расположенного в Ловече Отдельного гвардейского отряда, обещали снабдить организацию необходимым оружием, но лишь при условии, что они получат соответствующий приказ от Кутепова или Витковского.

Именно это условие Бурова и Христофорова, а также нехватка денег на завершение починки шхуны заставили Покровского обратиться к близкому ему генералу Боровскому, проживавшему в качестве частного лица в Королевстве СХС. Уволенный из армии Врангелем еще в Крыму, он как один из первых командиров Добровольческой армии тем не менее сохранил хорошие отношения со многими начальниками.

Покровский просил его, во-первых, убедить Кутепова и Витковского отдать приказание Бурову и Христофорову снабдить десант оружием. И во-вторых, получить у русских финансистов дополнительные средства. По этому поводу Покровский, в частности, писал: “Если банкиры, вроде Гайдукова, не дают денег, то надо применить старый эсеровский метод: стукнуть по одной голове так, чтобы оглушить все остальные”. Письмо было конфиденциальным и Покровский не считал нужным скрывать ни своих замыслов, ни своих замашек.

Однако посланный в Королевство СХС его адъютант Власов оплошал: письмо было найдено и прочитано болгарскими полицейскими. Покровский был слишком хорошо известен, чтобы недооценивать его решимости довести начатое дело до конца и тем втянуть Болгарию в опасный конфликт с большевистской Россией. Полиция нанесла немедленный удар. Золотаревский, Гетманов, Буряк, Бабкин и некоторые другие члены раскрытой организации были арестованы. При обыске на фабрике “Струг” был обнаружен тайный склад произведенных ручных гранат, которые люди Покровского еще не успели переправить в Варну. Как и в “самохваловские дни”, начались почти поголовные аресты и допросы русских военных в Варне. Правда, по установлении личности, их быстро отпускали (в первую очередь тех, кто открыто признавали себя гражданами Советской России).

Сам Покровский вместе с несколькими своими людьми сумел скрыться из Варны.

Раскрытие диверсионной организации Покровского вызвало бурю негодования у тех элементов эмиграции, которые вели активную работу по возвращению казаков домой. Было очевидно, что использование возвращенческого движения в целях засылки агентов в Советскую Россию, их диверсии, теракты и развертывание повстанческого движения неминуемо вызовут жесткие меры большевистских властей, что затруднит возвращение казаков. Газета “Новая Россия”, выпущавшаяся в Варне “Союзом возвращения на родину” и “Общеказачьим земледельческим союзом”, обрушилась на белых вождей, “вознамерившихся помешать примирению казаков с большевиками”. Особенно

резкую статью опубликовал редактор газеты А.М. Агеев, обличая тех, кто своими действиями “вызывает Советскую власть на репрессии, а после кричит о красном терроре”.

25-летний Александр Агеев был младшим братом П.М. Агеева, помощника атамана Каледина и лидера донских социал-демократов. В 1919 г. он служил адъютантом командующего Донской армией генерала В.И. Сидорина и в мае 1920 г. выехал вместе с ним из Крыма за границу. В начале 1922 г. он переехал из Чехословакии в Болгарию и вошел в руководство “Общеказачьего сельскохозяйственного союза”. Летом он совершил поездку в Москву, где просил советское правительство как можно скорее прислать в Болгарию миссию Красного Креста с целью содействия казакам в возвращении домой. Большевики назначили его представителем Красного Креста в Болгарии и в сентябре с соответствующими полномочиями он вернулся в Софию.

Хотя болгарское правительство не признало его полномочий, он развернул в газете “Новая Россия” и устных лекциях активную пропаганду за возвращение казаков домой. В ответ правые эмигрантские газеты – “Русское дело” и “Русь” – набросились на Агеева, именую его не иначе как “агентом ЧК” и обвиняя в том, что он привез ценности из ограбленных в Советской России церквей для оплаты расходов на большевистскую пропаганду в Болгарии.

Покровский и его подчиненные, горя желанием отомстить хоть кому-то за провал своей затеи с десантом, именно Агеева выбрали в качестве жертвы.

3 ноября в Софии люди Покровского устроили засаду у помещения “Общеказачьего земледельческого союза”, где шло подготовительное заседание к съезду казаков, решивших вернуться в Россию. Около 2 часов дня, когда Агеев вышел на улицу и сел в фаэтон, черкес Бейчаров несколько раз выстрелил в него в упор.

Спустя пять дней Агеев умер от ран в Клементинской больнице.

Между тем Покровский 6 ноября приехал в Кюстендил, маленький городок на границе с Королевством СХС. В тот же день к нему присоединился Бейчаров вместе с одним из соучастников теракта против Агеева. В квартале Градец они сняли две комнаты. Хотя нелегальный переход границы сразу избавил бы от опасности, Покровский решил отсидеться в этом захолустье, а затем действовать по обстоятельствам.

Трудно судить, сколь велики были шансы болгарской полиции самой найти Покровского. Во всяком случае, обещание денежного

вознаграждения за поимку убийцы Агеева не свидетельствует о ее уверенности на сей счет.

На след как в воду канувшего Покровского полицию навело анонимное письмо, опущенное в почтовый ящик в Софии. В нем сообщалось, что 7 ноября дневным поездом из Софии в Кюстендил поедет человек, который должен встретиться с убийцами Агеева, и подробно давались его приметы. Три полицейских агента на автомобиле обогнали поезд и расположились на привокзальной площади Кюстендила. Вся местная полиция уже была поставлена на ноги.

Когда пассажиры выходили из поезда, прибывшего в половине десятого вечера, агенты без особого труда узнали незнакомца. Предполагая наличие у него оружия, они проследовали за ним в тихий переулок, где и умело задержали. И тут же выбили из него признание, куда и к кому он направляется. Спустя полчаса полицейская рота окружила дом, где поселился Покровский.

Первым приближение полиции заметил находившийся во дворе черкесский полковник Кучук-Улагай. Успев криком предупредить своих об опасности, он рванулся к ближайшему лесу, где и скрылся, пользуясь сгустившейся темнотой. Покровский, отстреливаясь, выскочил во двор, ранил загородившего ему дорогу агента полиции и тоже побежал в сторону леса. Но его темнота подвела: он наткнулся на засаду. Во время отчаянной схватки один из полицейских проткнул ему грудь штыком. Третий русский, оказавшийся в доме, был схвачен.

Покровский с тяжелым ранением в область сердца был доставлен в городскую больницу, где и умер, не приходя в сознание, на рассвете 8 ноября.¹⁴⁹

Пробольшевистские круги эмиграции, исполненные гнева против убийц Агеева, злорадствовали по поводу того, что в “шайке Покровского оказался Иуда, указавший местопребывание бандитов”.¹⁵⁰

Однако очень быстро распространилась и другая версия: найти и убить Покровского болгарской полиции помогли советские агенты. Это была якобы и месть за его деяния в Гражданскую войну, и ликвидация возможной в будущем угрозы. “Пишут, что смерть Покровского последовала как месть со стороны большевиков, – отметил фон Лампе в своем дневнике. – Если так, то они работают здорово, вот и нам бы так: ничего не прощать и рефлексировать сразу, а мы все суд да право”.¹⁵¹

Гибель генерала Покровского, одного из самых известных военачальников ВСЮР, фон Лампе сопроводил весьма образной эпи-

тафией: “Жалко Покровского. Человек он был нравственности средней, но энергии и характера кипучего, и свое дело он делал лучше многих”.¹⁵²

* * *

7 июня 1927 г. в 9 часов утра советский полпред в Польше Петр Лазаревич Войков в сопровождении завхоза полпредства Григоровича приехал на Центральный вокзал Варшавы. Он должен был встретить А.П. Розенгольца, полпреда в Лондоне, возвращавшегося в Москву после разрыва дипломатических отношений между СССР и Великобританией.

Встретив Розенгольца, Войков пригласил его в железнодорожный буфет выпить кофе. Затем оба вышли на перрон к скорому поезду, отходящему из Варшавы в Москву в 9 часов 55 минут.

В момент, когда Войков и Розенголец подходили к спальному вагону этого поезда, раздался выстрел, направленный в сторону Войкова. Стрелял неизвестный юноша. Розенголец быстро спрыгнул на путь между двумя вагонами, Войков же кинулся бежать по перрону. Юноша стрелял вслед... Войков успел вынуть из кармана револьвер, развернулся и несколько раз выстрелил в нападавшего, потом зашатался и упал на руки бросившегося к нему проводника Ясиньского.

Юноша, завидев подбегавших полицейских, по их команде бросил револьвер и поднял руки вверх. Сдавшись, он заявил, что зовут его Борис Коверда и стрелял он, желая убить Войкова “как посла СССР” и “отомстить за Россию и за миллионы людей”.

Войков, после оказания ему первой медицинской помощи на вокзале, был перевезен в госпиталь Младенца Иисуса, где в 10 часов 40 минут умер.¹⁵³

Первый допрос террориста был произведен в помещении полицейского бюро Центрального вокзала. Стрелявшим в Войкова оказался 19-летний ученик русской гимназии в Вильно Борис Коверда. Он сразу признался в умышленном убийстве. По его показаниям, будучи противником большевиков и намереваясь выехать в Россию, чтобы там бороться с ними, он приехал в Варшаву с целью получения разрешения посольства СССР на бесплатный въезд в страну. Когда ему было отказано – решил убить Войкова как представителя большевистской власти. С самим послом никогда не разговаривал, к нему лично претензий не имеет, ни к какой политической организации не принад-

лежит и решение принял сам, без чьей-либо подсказки и содействия.¹⁵⁴

Сотрудник парижской газеты “Возрождение” Л. Львов, случайно оказавшийся недалеко от места убийства, присутствовал при первом допросе Коверды. “Его только что обыскали. На деревянном некрашеном столе лежали его вещи: платок, смятая газета, мелочь... На вопросы отвечал стоя, слегка наклонив голову к спрашивающему, совершенно спокойно... Говорил по-польски, иногда вставляя русские слова. Фотограф, которому позволили сделать фото, спросил его по-русски:

- Зачем вы сделали это?

Коверда ответил спокойно и просто:

- Я за национальную Россию, а не за Интернационал”.¹⁵⁵

Правительство Польши сразу заявило советскому правительству о своем сожалении по поводу убийства. Одновременно польское посольство в Москве получило ноту министра иностранных дел СССР Литвинова, в которой тот обвинил польское правительство в неприятии мер против “русских контрреволюционных организаций” на своей территории, результатом чего и стал террористический акт против полпреда Войкова.¹⁵⁶

8 июня Варшава, не дожидаясь соответствующего шага Москвы, поспешила предупредить, что ответит отказом, если большевики потребуют выдать Коверду.¹⁵⁷

9 июня польский министр иностранных дел А. Залесский заявил, что правительство не считает себя виновным, поскольку предложило Войкову охрану, но тот сам отказался от нее за несколько дней до покушения. Чтобы продемонстрировать заинтересованность в сохранении хороших отношений с СССР, советским представителям было разрешено участвовать в расследовании.¹⁵⁸

Между тем сразу после убийства в Варшаве и Вильно полиция начала обыски в помещениях эмигрантских организаций. Арестовывались их руководители.

Всего было задержано 35 человек, известных своими монархическими взглядами. Среди них были генерал Горлов, председатель “Союза беженцев” и представитель вел. кн. Николая Николаевича князь Мещерский, председатель комитета Российского Красного Креста Угримов, адвокат Николаев. Задержанные допрашивались на предмет их возможной причастности к теракту. Прекратились аресты и допросы вечером 9 июня. Все арестованные были отпущены.¹⁵⁹

“Аресты сначала вызвали среди русских в Варшаве и других городах панику. Но паника эта улеглась, когда русская эмиграция убедилась в том, что польское правительство энергично ищет соучастников Коверды, но не собирается подвергать кого-либо репрессиям за одну принадлежность к русским эмигрантским организациям”.¹⁶⁰

Прежде всего, операция по аресту эмигрантов должна была продемонстрировать Москве готовность выявить всех соучастников Коверды. Но совершенно очевидно и другое: правительство не упустило случая продемонстрировать русским эмигрантам, что их судьба и благополучие зависит всецело от его доброй воли.

Польская печать, единодушно осудив террористический акт, детально освещала обстоятельства убийства и ход расследования. Одна из варшавских газет констатировала: “Возмутительное злоупотребление гостеприимством, предоставленным Польшей русским эмигрантам, произвело на все польское население удручающее впечатление”.¹⁶¹ На позицию прессы значительное влияние оказало то, что власти страны во главе с ее реальным правителем военным министром Ю. Пилсудским не скрывали недовольства русскими эмигрантами, которые “могут поссорить их с большевиками”. Учитывая, что в этот момент резко обострились советско-британские отношения, сложившаяся после убийства Войкова ситуация была чревата войной с СССР. С другой стороны, польские коммерческие круги ни в коем случае не хотели терять такой привлекательный рынок, как российский.¹⁶²

Пока шло следствие, журналисты польских и эмигрантских изданий активно выясняли подробности жизни террориста.

Его отец – Софрон Коверда – происходил из крестьян и по национальности считал себя русским. До 1917 г. он служил в одном из банков в Вильно и принадлежал к партии эсеров, во время революции и Гражданской войны был членом савинковского “Союза защиты родины и свободы” и редактором газеты “Крестьянская Русь”, в 20-е гг. работал народным учителем в городе Брянске Белостокского воеводства. Мать Коверды была белорусской и работала учительницей гимназии в Вильно. Сам Борис на момент убийства был гимназистом 8-го класса. Учился хорошо и как неимущий за обучение не платил. И даже работал корректором и экспедитором газеты “Белорусское слово”, чтобы материально помогать семье.¹⁶³

Коверда содержался в одиночке следственной тюрьмы “Павяк” в полной изоляции. Администрация тюрьмы стремилась прежде всего уберечь его от расправы со стороны заключенных в ту же тюрьму

му польских коммунистов, которые открыто грозили ему смертью. На допросах и в тюрьме Коверда держался спокойно.

Во время следствия активно допрашивались как Коверда, так и его родители и друзья. Было установлено, что он прибыл из Вильно в Варшаву лишь за несколько дней до покушения, а именно 22 мая. Незадолго до отъезда он обратился к хироманту, который предсказал ему, что он “скоро прославится”. По его собственным показаниям, именно после этого он решил ехать в Москву, чтобы “убить Сталина или Рыкова”. Его последними словами при прощании с матерью были: “Мама, посмотри на меня”.¹⁶⁴

12 июня следствие было закончено и власти объявили о передаче Коверды суду Чрезвычайного (“доразного”) трибунала, назначив его уже на 15-е. Этот трибунал, с ускоренной процедурой судопроизводства, был учрежден в 1919 г. для рассмотрения дел о политических преступлениях, включая покушения на жизнь официальных представителей польского государства. По закону он мог приговорить только к смертной казни или бессрочной каторге.

Как объяснили эмигрантам “Последние новости”, “доразный” суд в Польше был “нечто вроде наших полевых судов. Его особенность состоит в том, что он знает два наказания: смертную казнь и бессрочную тюрьму. Апелляций на его решения нет. В случае разногласия между судьями (их трое), дело передается на пересмотр в обыкновенный суд: “доразный” суд должен вынести приговор единогласно. Гражданские иски в этом суде не могут предъявляться. Передача дела Коверды в “доразный” суд тем самым исключила возможность выступления на суде гражданскими истцами представителей большевиков и тем более их участие в следствии, на что, как писали газеты, власти уже дали согласие. Зато над Ковердой повисла угроза смерти”.¹⁶⁵

Между тем 12 июня Польша получила еще одну советскую ноту, в которой содержалось жесткое требование, во-первых, выявить и сурово наказать “всех участников убийства” и, во-вторых, “ликвидировать на польской территории белые террористические организации”.¹⁶⁶ Большевики явно демонстрировали, что они не верят в версию польского следствия, будто Коверда действовал в одиночку и без предварительной подготовки. Одновременно, используя убийство Войкова, Кремль попытался заставить польские власти ужесточить политику в отношении русской эмиграции, что по сути было ни чем иным, как вмешательством во внутренние дела.

На это последовал твердый отказ: “Что же касается требования советского правительства об изгнании из пределов Польши русских эмигрантов, настроенных антисоветски, то следовало бы, чтобы московское правительство изгнало раньше Коминтерн, работа которого направлена против Польши и других государств”.¹⁶⁷

Нависшая над Ковердой угроза вынесения смертного приговора всколыхнула эмигрантскую общественность. В Варшаву полетели из разных уголков Европы “резюльции протеста”.

15 июня “Российское центральное объединение” в Париже за подписью П.Б. Струве отправило Пилсудскому довольно вызывающую телеграмму: “Российское центральное объединение передает Вам свое волнение и опасение перед непоправимым решением, могущим нанести вред будущим русско-польским отношениям”.¹⁶⁸ Тем самым общественно-политическая элита Российского зарубежья недвусмысленно дала понять Варшаве, что польская политика России, освобожденной от большевизма, будет проводиться с учетом приговора Коверде и в целом отношения к русской эмиграции в Польше.

Пилсудский и его окружение были не на шутку встревожены реакцией русской эмиграции, особенно парижской, и ее возможными последствиями. Дабы негласно разъяснить свою истинную позицию, официальная Варшава пошла на тайные контакты с верхушкой эмиграции.

В польское посольство в Париже был срочно вызван только что прибывший из Варшавы В. Ледницкий, известный литератор, имевший обширные знакомства в кругах русской эмиграции. Советник посольства объяснил ему, что “действия русских эмигрантов очень затрудняют положение польского правительства в Париже и что все это может осложнить историю с Ковердой”. “Не можете ли, - у вас большие связи с русскими, - помочь нам повлиять на них, уговорить их... Русские эмигранты конкретно мало значат, но мутить воду, подстрекать, инсинуировать они могут, у них сохранились давние знакомства, они боковыми дверями входят к Пуанкарэ, к Барту, в разные газеты и вообще только нам мешают своими митингами, протестами, резолюциями... Успокойте их, пусть дадут нам время провести это дело – Коверды никто убивать не собирается, но своими манифестациями русские эмигранты к этому могут привести, не говоря уж о том, что все эти их протесты очень осложняют существование русских в Польше”.¹⁶⁹ Поняв, что дело действительно серьезно, Ледницкий обещал поговорить с послом России во Франции В.А. Маклаковым, “как с самым видным и влиятельным в Париже русским”.

“Я сейчас же из посольства позвонил В.А., – вспоминал позже Ледницкий. – К счастью, он был дома и сам подошел к телефону. После обмена приветствиями, после того как я спросил, как он себя чувствует, В.А. ответил кратко: “Мы все тут трепещем!” – “Почему, что случилось?”... – “Да как же – Коверда! Вы же знаете, что происходит. Военно-полевой суд, ваш министр иностранных дел Залеский сейчас в Женеве в интервью заявил, что Коверде грозит смертная казнь... Это ужас, это в последней степени волнует русскую эмиграцию, идут митинги, выносятся всякие резолюции, посылаются телеграммы... Я сам послал... вместе с Павлом Дмитриевичем Долгоруковым телеграмму... А верно то же самое происходит в Праге, Белграде, Берлине”. Ледницкий постарался успокоить Маклакова, объяснив политику Варшавы в данном вопросе: “доразный” суд был выбран “именно затем, чтобы получить не слишком затрудненную возможность избежать смертной казни, которой Пилсудский ни за что не хочет допустить. На военный суд Пилсудский, конечно, имеет влияние, которого он не может иметь на суд гражданский. В последнем всякие политические соображения могли бы сыграть известную роль. Военно-полевой суд – дело другое, там сидят непосредственно подчиненные Пилсудскому офицеры, кроме того люди, которые, естественно, сочувствуют молодому герою-мстителю”.

Позже Маклаков признался Ледницкому: “Вы не можете себе представить, как хорошо вышло, что вы мне третьего дня позвонили и таким образом я на многолюдном митинге мог сослаться на ваши уверения. Там готовили ужасные резолюции, протесты – мне удалось все это приостановить, повторив, без упоминания вашего имени, все что вы мне сказали и объяснили. Все, успокоившись, разошлись”.¹⁷⁰

Второпях и несколько суматошно готовилась защита. Как вспоминал С.Л. Войцеховский, возглавлявший “Русспресс” в Варшаве, “русский виленчанин, адвокат П.В. Андреев, значительно позже - в 1940 году - арестованный в Вильне чекистами, вывезенный ими в Россию и пропавший без вести в казанской тюрьме, вызвался приехать в Варшаву для защиты подсудимого”.¹⁷¹

По просьбе В.И. Семенова, председателя “Российского (эмигрантского) комитета”, известный польский адвокат, бывший киевский присяжный поверенный Мариан Недзельский также согласился участвовать в защите.

“Все казалось налаженным, – пишет С.Л. Войцеховский, – когда Философов неожиданно сообщил, что хочет встретиться со мной

по очень срочному делу. Предложить эту встречу Семенову он не мог...

Я знал редактора “За Свободу” только понаслышке. Пропать, отделявшая его от консервативной части русских эмигрантов, была настолько глубока, что за первые шесть лет моей эмигрантской жизни в Варшаве мы ни разу не встретились. Услышав, однако, что речь будет о Коверде и его судьбе, ответил, что немедленно приеду.

Разговор состоялся в тесной, заваленной книгами и газетами комнате, которую Философов снимал в квартире не то немецкой, не то еврейской семьи. Сразу, без обиняков, он сказал, что участие Недзельского в защите будет вызовом правительству Пилсудского, так как этот адвокат - член ненавистной маршалу оппозиционной Национал-демократической партии. Он прибавил, что на снисходительность суда можно надеяться лишь в том случае, если, кроме Недзельского и Андреева, защитниками будут варшавские адвокаты Францишек Пасхальский и Мечислав Эттингер. Он попросил меня срочно сообщить это Семенову - не как ультиматум, а как совет человека, не равнодушного к судьбе Коверды...

Семенова рассказ об этом разговоре возмутил. Против Эттингера он не возразил, но от приглашения Пасхальского отказался наотрез, назвав его “русофобом, революционером и масоном - олицетворением сил, ополчившихся на Россию в 1917 году”. Успокоившись, он все же попросил меня у Пасхальского побывать.

Я это сделал на следующий день - не один, а с Философовым. Украшенная - в лучшей части города - коллекцией великолепного фарфора, богатая квартира близкого к правящим польским кругам адвоката не вязалась с представлением о левизне и революционности. Договорились мы легко. Кем-то, очевидно, предупрежденный, он не удивился обращенной к нему накануне судебного разбирательства просьбе стать защитником Коверды, а о Недзельском не сказал ни слова. Мне это показалось предзнаменованием того, что на смертной казни прокурор настаивать не будет”¹⁷².

Действительно, в этой кризисной ситуации польское правительство вынуждено было искусно лавировать, дабы не ухудшить политических отношений и торговых связей с СССР. С другой стороны, репрессивные меры против русских в Польше уже подняли волну враждебных настроений в эмиграции, за которой могли последовать и конкретные антипольские действия сочувствующих ей кругов Западной Европы. Наконец, не меньшую опасность для Пилсудского представляли протесты варшавских рабочих против убийства Войкова.

15 июня в 10 часов в старом дворце Варшавского окружного суда на Медовой улице началось слушание дела Чрезвычайным трибуналом под председательством Ю. Гуминского. Государственным обвинителем выступал прокурор К. Рудницкий.

С утра у здания суда толпились желающие попасть на процесс. Вход был строго по билетам, которые у дверей тщательно проверяла полиция. К 10 часам зал был полон. На местах защитников уже восседали Недзельский, Пасхальский, Эттингер и Андреев. Скамьи для прессы заняли почти 80 журналистов польских, французских, немецких, американских, английских и балтийских газет, а также советских – “Правды” и “Известий”. Среди публики мелькали самые видные представители русской колонии.

“В зале стоял гул голосов и шум двигавшихся стульев, когда, конвоируемый двумя городскими с ружьями, был введен подсудимый. Мальчик, без признаков усов, слабенький, шупленький, с застенчивой улыбкой, в дешевеньком костюмчике, тщательно причесанный с пробором, сел, не зная, куда девать руки...”

Раздался звонок и вошел суд. Началось выполнение формальностей. Борис Коверда, родился в 1907 году в сентябре (на вид лет меньше). На вопрос об образовании ответил: “в 7 классов”.

Председатель: Подсудимый, какой вы национальности?

Коверда: Русский.

Председатель: Чей вы подданный?

Коверда: Не знаю.

Председатель: А отец чей подданный?

Коверда: Не знаю”.¹⁷³

После оглашения обвинительного акта председательствующий обратился к Коверде с вопросом, признает ли он себя виновным.

“- Признаю, что убил, - ответил Коверда по-польски, - но вины в этом не признаю.

- Зачем вы совершили это убийство?

- За все то, что большевики сделали в России”.¹⁷⁴

На процесс было приглашено 16 свидетелей обвинения, в том числе Розенгольц. Защита вызвала 6 свидетелей.

В зависимости от вероисповедания свидетели приводились к присяге ксендзом, православным священником и раввином. Присягали “сначала католики, потом православные, наконец раввин привел к присяге свидетельницу-еврейку (торговку, у которой Коверда жил в Варшаве). Вне присягающих в гордом одиночестве остался советский служащий Григорович - человек наголо бритый, возбуждающий в зале

любопытство, смешанное с отвращением: кожаная куртка к нему пошла бы... Не является и Розенгольц. По сведениям, сообщенным представителем МИД Голувко, Розенгольц может приехать только вечером. Суд, в согласии с заключением прокурора, решает начать дело, полагая, что если Розенгольц приедет до конца судебного следствия, он будет допрошен”.¹⁷⁵

Среди свидетелей, кроме очевидцев покушения, были родственники и знакомые Бориса Коверды. В большинстве своем они давали показания на польском языке.

При допросе свидетелей суд подробно выяснял биографию и обстановку семейной жизни Коверды. Чувствовалось стремление прежде всего найти обоснование идейных мотивов, толкнувших его на самостоятельный террористический акт, подготовленный и проведенный без помощи какой-либо организации.

По описанию корреспондента “Последних новостей”, “отец Коверды - типичный русский, интеллигент из “третьего элемента”, сохранивший отчасти и крестьянское обличье. Мать Коверды – тихая, очень скромно одетая, худенькая дама в пенсне, сестра – девушка-гимназистка с волосами, завязанными бантом назад. Типичная семья учителя, вообще провинциального интеллигента”.¹⁷⁶

Как показали родители, до войны семья жила в Вильно, где и родился Борис. В 1915 г. эвакуировались в Самару. В Польшу вернулись легально. Тяжелые материальные условия вынудили Бориса искать работу и он устроился корректором за 150 зл. в месяц. Для семьи этого было мало и частенько приходилось голодать.

Защита старалась выяснить, какие органы русской эмигрантской прессы могли влиять на юного Коверду. Свидетели называли разные газеты, которые он читал, - почти все самые крупные эмигрантские, какие выходили в Европе и были ему доступны.¹⁷⁷

С особым интересом были заслушаны показания Белевского, директора русской гимназии в Вильно, воспитанником которой был Коверда. Он охарактеризовал подсудимого как трудолюбивого, сознательного ученика – “честного идеалиста”. По его словам, Коверда раньше обучался в белорусской гимназии в Вильно, но когда там стали нарастать “коммунистические настроения”, перешел в русскую гимназию. Редактор “Белорусской нивы” Павлюкевич аттестовал Коверду с самой лучшей стороны: подсудимый служил корректором в газете и, получая 150 зл. в месяц, умудрялся еще помогать семье.

Торговка-еврейка, у которой Коверда снял комнату в Варшаве, показала, что все дни перед убийством он ел только сухие баранки, запивая их водой.

Показания свидетелей защиты, что Коверда происходил из крестьян и жил бедно, только усиливали симпатию к нему. Это отделяло его от верхушки эмиграции, выставляя представителем тех самых трудящихся, в интересах которых большевики захватили власть в России.

Среди свидетелей обвинения был допрошен и опоздавший Розенголец. Корреспондент “Последних новостей” саркастично описал его появление: “Но вдруг в зале движение: усиливается охрана, полиция и жандармы заполняют все проходы. Невольно всем передается нервность. Ясно, что кого-то ждут. После суеты, как во втором акте “Кармен” перед приходом Тореадора, появляется окруженный агентами охраны Розенголец. Его допрос не дает, однако, ровно ничего интересного. Он рассказал, что видел на вокзале, и только. Все это было известно и раньше, и ни прокурор, ни защитники не нашли нужным задерживать “высокого” свидетеля. Он присел около сотрудника “Правды”, недолго побыл и удалился со своей свитой...”¹⁷⁸

Присутствовавшие на процессе корреспонденты эмигрантских газет, создавая образ Коверды как героя и мученика, показывали его как человека, владеющего собой и уверенного в своей правоте. Взгляд западных журналистов был объективнее: “Коверда, кажущийся на вид еще моложе, чем на самом деле, с интересом и даже весело осматривается в зале и с улыбкой приветствует какую-то знакомую. К нему подходит его защитник - известный адвокат Пасхальский - и хлопает его успокаивающе по плечу. Все лицо Коверды расплывается в улыбке. Вообще он ведет себя так, как будто он является не главным участником этого процесса, грозящим ему расстрелом, а простым зрителем. Во время показаний своих родителей он почти не слушает, перешептываясь с защитником... При допросе свидетелей ... при виде старой еврейки, у которой Коверда жил в Варшаве, Коверда снова смеется. Иногда, однако, в нем чувствуется внутреннее волнение. Лицо его сильно дергается”¹⁷⁹.

В 3 часа дня допрос свидетелей был закончен и председатель объявил перерыв.

После обеденного перерыва дал показания подсудимый. Говорил он по-польски с русским акцентом.

Наскоро подготовленный защитниками, Коверда начал с рассказа, как он встретил приход большевиков к власти в 1917 г., будучи

учащимся реального училища в Самаре. “Я видел тот хаос, который начался после большевистского переворота, видел все безобразия и зверства большевизма. На моих глазах большевики бросили машиниста в печь за то, что он отказался вести поезд”.¹⁸⁰ Коверду “постепенно охватило волнение и последние слова он проговорил почти плача, затем успокоился”.¹⁸¹

Со слов Коверды, читал много советских и эмигрантских газет, прочитал книгу Краснова “От двуглавого орла к красному знамени”, “которая произвела на него большое впечатление”. “Я читал статьи Арцибашева в “Записках писателя”, я читал польские книги, в том числе и книгу о голоде, и я понял, кто виноват в том, что положение России дошло до того, что люди стали людоедами. . .

Инстинктивно я чувствовал уже в течение последних двух лет, что нужно действовать, что нужно бороться с бандой международных злодеев. Я хотел ехать в Советскую Россию, чтобы там бороться с большевиками. Это была моя первая мысль. Но мне сильно мешали выполнить ее материальные обстоятельства, а кроме того я не мог нелегально пробраться через границу. Тогда я решил ехать легально. Я чувствовал, что нужно что-то сделать, нужно помочь своей родине.

Когда я не получил визы в советском посольстве в Варшаве, решил убить Войкова как представителя той банды, которая razорила мою Родину и погубила столько жизней”.¹⁸²

Коверда выразил сожаление, что совершил свой поступок в Польше, которую он считает своей второй родиной, и которой он во все не хотел причинять неприятности. В заключение он заявил, что он не монархист, а демократ, но предпочитает какой угодно режим большевистскому и убил он Войкова “не как лицо, а как представителя III Интернационала”.

В 9 часов вечера начались прения сторон.

В очень спокойной и хорошо выстроенной речи прокурор Рудницкий указал прежде всего, что Коверду “нельзя сравнивать с русскими террористами былых времен. У тех была широкая организация, было оружие. Здесь мы имеем дело с отдельной личностью. Мальчик, вооруженный револьвером, думал задержать ход истории. В этом трагизм и слабость его действий... Мы не знаем, что Коверда думал, целясь в Войкова, но программы у него не было и за ним не стояло никакой организации. Это вполне установлено следствием и показаниями свидетелей. При нем найдено 20 грошей, он и материально не был подготовлен.

Свою ненависть к большевикам Коверда не обосновал на фактах лично своих с ними столкновений. Но он испытывал сильное влияние антибольшевистской литературы. Но бороться за Отчизну надо на своей родной земле, а не на чужой. Для нас Войков - представитель соседнего государства, и мы обязаны были охранять его так, как государственных чиновников. Вот Розенгольц. Но это для нас только гость проезжий, и он не подлежит нашей опеке". При этих словах в зале произошло движение в сторону Розенгольца и его "свиты"¹⁸³.

Таким образом, прокурор в своей речи не столько формулировал и обосновывал обвинения террористу, сколько доказывал факт отсутствия за его спиной какой-либо организации.

Одновременно он отметил, что суд не может ставить вопрос, был или не был террористический акт Коверды оправдан террором в России, так как "террористический акт как таковой всегда является преступлением". "...Мы не можем преступление, убийство посланника Войкова, считать за спор сегодняшней России с завтрашней Россией или же России сегодняшнего дня с Россией вчерашнего дня, а тем более мы не можем считать, что наш приговор должен разрешить великий спор между двумя лагерями одного народа. Мы не можем ни минуты задумываться над вопросом, кто прав: сегодняшние правители России или же ее эмиграция, которая, измученная и раздраженная, как всякий лишенный своей земли человек, желает ввести какой-то другой порядок в России. Мы не можем ни разрешить, ни касаться этого спора не только потому, что никто из современников не в состоянии разрешить, за кем правда в великих исторических переворотах, но прежде всего потому, что это есть спор русских с русскими, спор внутри государства, борьба сил чужого общества"¹⁸⁴.

Слова, которыми закончил свою речь прокурор, означали отказ от ясного предложения меры наказания, во всяком случае от предложения смертной казни: "Я не касаюсь степени наказания. Предоставляю это вам, господа судьи. От вас зависит и кара, и милосердие".

Речь прокурора и особенно заключительные ее слова успокоили зал: стало очевидно, что смертный приговор Коверде не грозит.

Наиболее яркой была речь адвоката Недзельского.

"Выстрел Коверды явился криком протеста, голосом христианина, который - это может показаться парадоксом - взывал к выполнению заповеди "Не убий!" Есть три группы зарубежных русских. Одни - коренные русские, страстно тоскующие по Родине. Другие - выходцы из России, принадлежащие к другим нациям, но всеми помыслами

своими живущие в России, отдавшие ей лучшие годы своей жизни и деятельности. И наконец третьи, которые заняты подкладыванием мин под каждое из тех государств, в котором они находятся. Что же удивительного при этих условиях, что возникает мысль об отпоре или самообороне...”

Опытный и популярный адвокат представил ситуацию таким образом, что “нерусский по происхождению, но русский по духу патриот” Коверда своими выстрелами защищал давшую ему приют страну от подрывающих ее спокойствие представителей большевистского режима, пытавшихся через Коминтерн активизировать коммунистическое движение в Польше. Такая аргументация, безусловно, не могла не оказать сильного воздействия на суд, хотя, общее настроение зала и без того соответствовало этим взглядам.

Закончил свою речь Недзельский эффектно: “Здесь пытались установить, не было ли у Коверды сообщников. Вот странно: этих сообщников искали среди живых, и не все помнили, что они действительно имеются, но среди мертвых - это те миллионы, которых убили большевики”.¹⁸⁵

Другие защитники основные усилия потратили на доказательство неправомерности отдачи Коверды под “доразный” суд: нельзя было применять чрезвычайной процедуры, так как Войков не был должностным лицом польского государства. Тем самым адвокаты стремились оспорить даже теоретическую возможность вынесения смертного приговора.

В 23 часа 40 минут суд удалился на совещание.

“Уже поздно. Все утомлены. Всех занимает одна мысль: будет ли смертный приговор? И никто не верит в возможность этого. Когда судьи уходят совещаться, в зале наступает странное успокоение. Отец Коверды с дочерью сидят в буфете и пьют чай. Сам подсудимый тоже спокоен. Волнуется только мать – нервно ходит по коридору.

Проходит минут двадцать и раздается роковой звонок. Выходит суд (В 0 часов 30 минут. – *Авт.*). Длинное, томительное, скучное введение, и наконец раздаются желаемые сова: “Бессрочное заключение в каторжной тюрьме”. Но приговор не оканчивается этим. Следует заявление: суд постановил через министра юстиции обратиться к президенту Речи Посполитой с ходатайством о смягчении наказания Коверде до 15 лет тюрьмы.

К подсудимому бросаются, пожимают ему руки. Поздравляют родных. Нервы матери не выдерживают: она, все время ходившая с

сжатыми губами, теперь рыдает. Расплакалась и сестра. Но плачущих утешают: “Полноте, сроки теперь не суды, а история назначает”.¹⁸⁶

К вполне понятным мотивам снисходительного отношения трибунала добавились и два внешних обстоятельства.

Во-первых, в ответ на убийство Войкова советское правительство расстреляло около 200 содержащихся в тюрьмах представителей творческой, научной и технической интеллигенции, известных деятелей либеральных и социалистических партий.¹⁸⁷

Во-вторых, западные и эмигрантские газеты были полны сообщениями о причастности Войкова к расстрелу Николая II и его семьи. В потрясшей эмиграцию книге следователя Н.А. Соколова “Убийство царской семьи”, вышедшей в 1925 г. в Берлине, приводились данные, что по его распоряжению закупалась серная кислота для уничтожения трупов.¹⁸⁸

Эта кампания в печати, создав Коверде репутацию героя-мстителя, вызвала среди эмигрантов стремление материально поддержать Коверду на процессе, в частности оплатить работу адвокатов, поскольку у семьи не было для этого денег. В редакцию газеты “Возрождение” от проживавших во Франции эмигрантов в период процесса поступали письма с выражением поддержки Коверде и мелкие суммы на оплату его защиты.¹⁸⁹

По окончании процесса Коверда был доставлен в свою одинокую, где заснул крепким сном. Проспал он целый день 16 июня. А на следующий день его перевели из следственной тюрьмы “Павьяк” в Мокотовскую каторжную тюрьму. Администрация тюрьмы сразу дала ему статус политического заключенного, что обеспечивало ему некоторые привилегии по сравнению с уголовниками. С первых же дней он стал получать белье и пищу от проживавших в Варшаве эмигрантов.

Спустя три дня после вынесения приговора Чрезвычайный трибунал опубликовал мотивы своего решения: “Смертная казнь может быть применена только в том случае, если преступление грозит вызвать подражание преступлению. Коверда подобных опасений не вызывает. В виду этого вместо смертной казни вполне достаточным наказанием являлась бы вечная тюрьма... Есть смягчающие обстоятельства: молодость Коверды и его высокие нравственные качества, единодушно констатированные свидетелями. После отбытия наказания Коверда может стать полезным членом общества. Поэтому суд полагает, что пятнадцать лет тюрьмы являются для него достаточным наказанием”.¹⁹⁰

Коверда в ходе следствия и суда твердо держался версии, что теракт он задумал и осуществил в одиночку. Эта позиция нашла понимание следователей, судей и адвокатов, поскольку отвечала интересам польских властей: ни на следствии, ни тем более на суде никто не пытался разбираться глубоко в вопросах которые могли, как за ниточку, потянуть на свет возможных организаторов, (например, где террорист взял револьвер).

Только на склоне лет Коверда искренне поведал о событиях, предшествовавших покушению, опубликовав в журнале “Часовой” и газете “Русская мысль” свои воспоминания.

Мысль об убийстве Войкова появилась у него в результате долгих бесед с редактором “Белорусского слова” А.В. Павлюкевичем и проживавшим в Вильно есаулом М.И. Яковлевым. Договорились, что Павлюкевич предоставит необходимые средства, а Яковлев окажет организационное содействие. В результате Коверда прибыл 22 мая в Варшаву с 200 зл. и с заряженным револьвером. Один из бывших подчиненных Яковлева показал ему, где расположено здание советского полпредства.

Дальше Коверда действовал один: посетил несколько раз приемную под предлогом получения въездной визы, побывал в торгпредстве, однако встретить Войкова не удавалось. Между тем полученные деньги иссякали и новое посещение советских учреждений могло вызвать подозрение. План покушения был под угрозой срыва. И тут в вечерней газете “Курьер червоны” появилось сообщение о предстоящем отъезде советского полпреда в Москву. Три дня, с 4 по 6 июня, Коверда приходил на вокзал за час до отхода московского поезда и прохаживался по перрону. 7 июня, оставшись лишь с 20 грошами в кармане, он решил в последний раз сходить на вокзал, а затем возвращаться в Вильно. Именно в этот день полпред наконец приехал к поезду, но не для отъезда, - сообщение газеты было ложным, - а для короткой встречи со следовавшим в Москву Розенгольцем.¹⁹¹

Эти обстоятельства прояснились много позже, в 1984 г., незадолго до смерти Б.С. Коверды, когда его сообщников давно уже не было в живых. Яковлев участвовал в обороне Варшавы от германских войск в августе 1939 г., позже был арестован и погиб в 1941 г. в концлагере Освенцим. Павлюкевич участвовал в польском Сопротивлении, был арестован немцами и расстрелян.¹⁹² Польскому Чрезвычайному трибуналу в 1927 г. эти люди были не нужны...

В 1928 г. срок заключения Коверды был сокращен по амнистии и его перевели в каторжную тюрьму города Грудзиондз. С.Л.

Войцеховский несколько раз навещал его в тюрьме, получая предварительно разрешение варшавского прокурора. "...Меня вводили в кабинет начальника тюрьмы. Заранее предупрежденный, он ждал за письменным столом. По его вызову в кабинет входил Коверда в серой арестантской куртке. Разговор в этой обстановке не мог быть ни откровенным, ни долгим, но я надеялся, что молодому узнику, отрезанному на много лет от семьи, друзей и внешнего мира, приятен каждый знак внимания. Не помню, в какой именно мой приезд, он сказал, что о нем заботятся, снабжая продовольствием, жители города..."¹⁹³

В 1937 г. Коверда был освобожден, отпраздновав это событие с Войцеховским и теми, кто ему помогал. В 1939 г., во время оккупации Польши, он попал на принудительные работы в Германию. В 1945 г. поселился сначала в Швейцарии, затем жил во Франции и ФРГ. В 1952 г. семья Коверды прибыла в США, сам же он, в соответствии с американскими законами, не имел такого права как человек, осужденный в другой стране за убийство. Лишь через четыре года, благодаря стараниям русских эмигрантов, прежде всего Александры Толстой, – дочери Льва Толстого, – президент Д. Эйзенхауэр подписал принятый Конгрессом специальный билль о допущении Б.С. Коверды в США.

В США он жил тихо и скромно. По свидетельствам знавших его людей, он не только не извлекал каких-либо выгод из своего прошлого, но, напротив, старался не вспоминать о "выстрелах в Варшаве" и не любил, чтобы его имя в любом контексте появлялось в печати. Лишь на склоне лет для пресечения различных измышлений по поводу убийства Войкова он выступил в эмигрантской печати. 18 февраля 1987 г. Б.С. Коверда скончался в Вашингтоне.¹⁹⁴

* * *

Вскоре после убийства Войкова советское правительство передало польскому посольству в Москве список наиболее активных руководителей и членов эмигрантских организаций в Польше, заявив при этом, что "дальнейшее пребывание в Польше лиц, перечисленных в этом списке, является угрозой польско-советским отношениям".¹⁹⁵

Судя по всему, ОГПУ значительно активизировало свои операции в Польше, стремясь предупреждать попытки террористических актов против представителей СССР. С другой стороны, стало очевидным, что советское правительство стремится максимально использовать эмигрантский фактор как средство давления на Пилсудского, ставя развитие политических и торговых отношений в прямую зависи-

мость от работы польской полиции по пресечению действий эмигрантских организаций.

Однако это не могло предупредить следующего теракта.

4 мая 1928 г. в пятом часу дня торгпред Лизарев ехал в автомобиле из торгпредства домой с двумя другими членами торговой миссии Дьяконовым и Макаренко. От самого здания торгпредства за ним в автомобиле следовал молодой человек. На Маршалковской улице он дважды выстрелил в Лизарева. Одна пуля пролетела мимо, вторая разбила стекло, осколками которого Лизареву поранило руку. Сразу после выстрелов шофер машины торгпредства дал полный ход и помчался к зданию советского посольства. Стрелявший, видя, что покушение не удалось, бросился бежать.

Когда на углу улиц Маршалковская и Вильча раздались два выстрела, прохожие бросились врассыпную. Те же, кто находился в отдалении, даже не обратили на это внимания, поскольку еще неделю назад в этом районе проходили кровавые столкновения между коммунистами и социалистами - сторонниками Пилсудского. Но увидев, что от места выстрелов, выскочив из автомобиля, побежал молодой брнет, прилично одетый, с пистолетом в руке, некоторые бросились за ним в погоню. Молодой человек бросился в ворота дома № 68 и вбежал на первый этаж в помещение “Русского дома”. Толпа преследователей устремилась за ним. Упав на скамью и тяжело дыша, он произнес: “Я убил коммуниста, за мной гонятся коммунисты”. Администрация “Русского дома”, опасаясь скомпрометировать находившиеся в нем русские организации причастностью к покушению, сразу вызвала полицию.

Появившемуся вскоре полицейскому молодой человек вручил “браунинг” и дал себя арестовать, назвавшись Юрием Войцеховским, студентом Школы политехнических наук.¹⁹⁶

В 2 часа ночи 6 мая варшавская полиция начала аресты эмигрантов и обыски в русских организациях. В первую очередь был произведен обыск в “Русском (эмигрантском) комитете”, помещение было опечатано.

На следующий день все польские газеты комментировали случившееся в резко антирусском духе. В частности, орган Пилсудского “Эпоха” выразил надежду, что власти “примут все меры, чтобы оградить нас от той международной заразы, которая угрожает нам со стороны эмигрантов русского белого движения”.¹⁹⁷

6 мая советское правительство очень жесткой нотой заявило “категорический протест против пассивного отношения польских вла-

стей к террористическим организациям белоэмигрантов”, указав при этом, что покушение было направлено против полпреда Богомолова, а в Лизарева стреляли “по ошибке”. В ноте содержалось напоминание, что Войцеховский был внесен в список наиболее активных членов террористических организаций, переданный год назад польскому посольству в Москве.¹⁹⁸ Текст ноты свидетельствует о том, что посольство СССР в Варшаве и НКВД, получив информацию, что фамилия покушавшегося - Войцеховский, ошибочно сочли, что речь идет о руководителе “Русспресса” С.Л. Войцеховском.

На первом допросе в полицейском комиссариате террорист сильно нервничал и заявил, что мстил за отца, бывшего полковника русской армии, который был убит большевиками. Полиция быстро установила, что Юрий Войцеховский, 23-х лет, живет в Варшаве с 1921 г. на положении эмигранта, учится в Школе политехнических наук. Учится плохо, никаких экзаменов за время обучения не сдавал, зато известен, как завсегдатай дансингов и ресторанов, а также как младший брат С.Л. Войцеховского.¹⁹⁹

Если в случае с Борисом Ковердой вся эмигрантская печать дружно его поддержала, то в случае с Юрием Войцеховским реакция газет демократического и либерального направления была противоположной. Так, милюковские “Последние новости” в передовой “Варшавское покушение” писали: “По поводу убийства Войкова приходилось иметь в виду и особо одиозную личность убитого, которая могла служить отчасти объяснением того, что данный террористический акт был направлен против него... Сейчас по поводу неудачного покушения на одного серого советского чиновника, которого покушавшийся принял за другого, едва ли многим менее серого, - отпадают и эти особые соображения. Данный акт нельзя оценить иначе, как совершенно бессмысленный и безответственный поступок. Нам едва ли нужно еще раз подчеркивать наше отрицательное отношение вообще к эмигрантскому террору как способу борьбы с советской властью. Но трудно представить себе ту степень политического недомыслия, при которой объектами покушения избираются люди, ничем не замечательные, кроме того, что они являются советскими дипломатическими чиновниками в данной стране, то есть что такое покушение должно поставить в неприятное положение данное иностранное государство, тяжело отразится на положении русской эмиграции в этом государстве и доставит большевикам возможность воспользоваться им ... для своих стремлений прищемить эмиграцию и разрушить ее политическую работу”.²⁰⁰

“Последние новости” точно выразили мысли и настроения многих эмигрантов, особенно - живущих в Польше, поскольку и по прошествии нескольких дней после покушения на Лизарева полиция продолжала проводить аресты среди русских.

Были арестованы руководители варшавского “Объединения русской молодежи”, к которому принадлежал Ю. Войцеховский. Тщательные обыски были проведены в “Русском доме”, “Российском (эмигрантском) комитете”, “Русспрессе” и “Объединении русской молодежи”. 10 мая полиция сделала заявление, что возбуждены уголовные дела против тринадцати русских эмигрантов по статье “о заговоре с целью убийства официального лица”, что грозило тюремным заключением на срок до 6 лет. При этом в польскую печать просочилась информация, что среди арестованных - некто Игорев, который недавно снял помещение в доме напротив советского полпредства. Кроме того, в ходе следствия, и это тоже стало известно журналистам, Войцеховский признался следователю, что готовил покушение на советника полпредства Коцюбинского.²⁰¹

11 мая МВД Польши заявило о намерении выслать из страны не менее десяти эмигрантов. По информации следствия, дело о покушении на Лизарева предполагалось подготовить к слушанию в суде в первых числах июня. Адвокат Недзельский выразил готовность взять на себя защиту.²⁰²

Таким образом, в отличие от дела Коверды, польская полиция на этот раз обнаружила некоторые признаки заговора с целью покушения на советских дипломатических и торговых представителей, причем центром этого заговора стали некоторые эмигрантские организации в Варшаве. Этим были вызваны и продолжительность следствия, и многочисленные аресты и обыски, а также заявление польского МВД о предстоящей высылке.

В условиях чреватого войной острого советско-британского конфликта отношение правительственных кругов большинства европейских стран к эмигрантскому террору против представителей СССР изменилось в худшую сторону. В свою очередь, Москва оказала на Варшаву мощное давление, которое было поддержано сочувствием польских рабочих. Угроза внешней войны и внутренней дестабилизации заставила Пилсудского быть более решительным в отношении наиболее воинственно настроенных элементов эмиграции.

5 июня правительственный комиссар Варшавы окончательно закрыл “Русский (эмигрантский) комитет”. Помещение было опечатано, а документы конфискованы.²⁰³

В ходе расследования выяснились обстоятельства, связанные с предшествовавшим теракту финансовым скандалом, в центре которого оказался Ю. Войцеховский. Пятью днями раньше, 29 апреля, в Варшаве состоялось собрание “Объединения русской молодежи”, на котором были обнародованы факты растрат Ю. Войцеховским денег, поступивших в кассу объединения в качестве взносов и пожертвований. Разоблачение вызвало бурное негодование членов объединения и повлекло за собой исключение растратчика из его рядов.

Учитывая эти факты, можно предположить, что скороспелый террористический акт против “серого советского чиновника” был для Ю. Войцеховского попыткой реабилитироваться перед своими товарищами, своеобразным искуплением грехов. И в этом смысле небезуспешным, поскольку на суде члены “Объединения русской молодежи” Макшеев, Егоров и другие, ранее обвинявшие Ю. Войцеховского в денежных злоупотреблениях и требовавшие его исключения, фактически публично сняли свои обвинения, признав тем самым, что такой поступок возвращает ему “доброе имя”.

Процесс по делу Ю. Войцеховского неоднократно откладывался и переносился “ввиду обилия следственного материала”. Наконец, 28 декабря 1928 г. в Варшавском окружном суде под председательством судьи Крассовского началось слушание дела о покушении на торгпреда СССР Лизарева. В первом варианте обвинительного акта, составленном прокуратурой, торгпред Лизарев рассматривался в качестве частного лица, проживающего “с разрешения польских властей на польской территории”. В окончательном варианте Лизарев признавался уже должностным лицом и появилась дополнительная статья, предусматривающая усугубление вины и наказания за покушение на жизнь должностного лица во время исполнения им своих обязанностей. Однако в ходе самого суда и при вынесении приговора статья о покушении на должностное лицо судом была отвергнута и, таким образом, Лизарев не был отнесен судом к категории должностных лиц, что решающим образом облегчило положение подсудимого.²⁰⁴

Около сорока свидетелей было вызвано обвинением и защитой. Свидетели со стороны истца – сам торгпред Лизарев, советник полпредства Коцюбинский и секретари торгпредства Дьяконов и Макаренко – на суд не явились.

Государственный обвинитель прокурор Ниссенсон значительную часть своей речи посвятил доказательству того, что выстрел Войцеховского явился индивидуальным актом. Этим прокурор в большой

степени облегчил задачу защиты. В речи прокурора не нашло отражение заявление обвиняемого на суде о том, что он готовил покушение не на Лизарева, а на первого советника полпредства Коцюбинского, и что он не знал точно, кто именно сидел в обстрелянном им автомобиле.

Задача Недзельского на этом процессе была куда более легкой, чем на процессе Коверды: террористический акт не удался, объект покушения избежал смерти. В качестве одного из аргументов адвокат использовал факт, что “всюду на Западе находят самое большое снисхождение для покушений, совершаемых в эмиграции под влиянием вреда, причиненного нации эмигрантов. В Швейцарии был убит советский представитель Воровский и суд оправдал убийцу...” Второй защитник – присяжный поверенный Шишкевич – заявил суду: “Необходимо с удовлетворением констатировать, что с момента установления дипломатических отношений с СССР в Польше было всего-навсего два покушения на советских представителей”²⁰⁵.

31 декабря 1928 г. Варшавский окружной суд приговорил Ю. Войцеховского к 10-летнему тюремному заключению, которое он отбывал в Мокотовской каторжной тюрьме.²⁰⁶ В 1929 г. апелляционный суд, повторно рассмотрев дело, сократил срок до 5 лет.

В последующие три года, используя свои связи в польских правительственных кругах, С.Л. Войцеховский, старший брат осужденного, приложил много сил, чтобы восстановить в каком-либо виде центральную организацию русских эмигрантов. В 1931 г. он основал в Варшаве “Российский общественный комитет”. Был составлен и передан в МИД Польши меморандум, объясняющий намерения организаторов комитета. Начальник Восточного отдела МИД Т. Голувко понимал, “в отличие от некоторых других влиятельных поляков, - что пестрый этнический состав населения Польши обязывает ее к удовлетворению хотя бы наиболее насущных нужд национальных меньшинств. Русские эмигранты, с точки зрения международного права, были иностранцами, но Голувко признал, что существование их представительства будет полезно не только им, но и польской власти”. Он убедил в этом МВД, утвердившее в 1931 г. устав “Российского общественного комитета” в Польше. Его учредителями стали С.Л. Войцеховский, генерал П.Н. Симанский, А. Хирьяков, первым председателем - Н.Г. Буланов, а одним из членов правления - Д.В. Философов.²⁰⁷

В итоге, когда советско-польские отношения более или менее наладились и террористические акты против Войкова и Лизарева отошли в прошлое, польские власти фактически позволили русским

эмигрантам восстановить свою организацию в Варшаве. С другой стороны, те учреждения и чиновники, которые были склонны оказывать тайную поддержку борьбе эмиграции против СССР, позволяли ей использовать территорию Польши. Так, польский МИД разрешал своим курьерам провозить в не подлежащем досмотру дипломатическом багаже документы Кутепова, который в конце 20-х гг. развернул активную разведывательную и террористическую деятельность на территории СССР. С.Л. Войцеховский продолжал исполнять обязанности представителя генерала Кутепова в Варшаве, регулярно и открыто посещая польский МИД.²⁰⁸

Таким образом, в “прифронтовой” Польше терроризм возник на почве массовой ненависти эмигрантов к большевизму, высокой активности советских представителей и, наконец, резкой антибольшевистской пропаганды, характерной для многих эмигрантских изданий и известных публицистов.

Теракты против Войкова и Лизарева не были подготовлены какими-либо организациями. Они были полуорганизованными и вдохновлялись главным образом политическими настроениями ближайшего окружения террористов и эмигрантской печатью.

Объективно террор только ослаблял русскую эмиграцию в Польше. Правительство Пилсудского, исходя прежде всего из национальных интересов Польши, предпочло принять репрессивные меры против наиболее активных элементов эмиграции, носивших, впрочем, в большей степени демонстративный характер.

Оценивая террористические акты эмигрантов, в частности, против Воровского и Войкова, философ Г.П. Федотов писал в 1932 г.: “...Убийство их как представителей СССР на территории европейских государств есть удар не только по большевикам и не только по СССР (что не одно и то же), но и по Швейцарии, Польше, по народам Европы, на которых оно возлагает политические осложнения, вытекающие из подобных актов. Замечательно, что все достижения нашего террористического активизма имеют бессмысленный или двусмысленный характер”.²⁰⁹

¹ Книга готовится к изданию Издательским центром РГГУ в 2001 г.

² Печатаются 3-я и 4-я части очерка; автор – *С.В. Карпенко*.

³ Белое дело. Кн. V. Берлин, 1928. С. 4–5.

⁴ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 77. Л. 168.

⁵ Белое дело. Кн. V. Берлин, 1928. С. 3–4.

⁶ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 77. Л. 179об.

-
- ⁷ Там же. Л.169.
- ⁸ ГА РФ. Ф.5853.Оп.1.Д.76.Л.34–47.
- ⁹ *Врангель П.Н.* Записки. Ч.1//Белое дело. Кн.V.C.123.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф.5853.Оп.1.Д.76.Л.36.
- ¹¹ *Врангель П.Н.* Записки. Ч.2.С.103.
- ¹² ГА РФ. Ф.5853.Оп.1.Д.76.Л.40.
- ¹³ *Врангель П.Н.* Записки. Ч.2.С.221.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф.5853.Оп.1.Д.76.Л.44.
- ¹⁵ *Врангель П.Н.* Записки. Ч.1.С.123.
- ¹⁶ ГА РФ. Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.179об.,180об.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф.5853.Оп.1.Д.76.Л.33.
- ¹⁸ Там же. Л.39.
- ¹⁹ ГА РФ. Ф.5853.Оп.1.Д.81.Л.3.
- ²⁰ ГА РФ. Ф.5853.Оп.1.Д.33.Л.34.
- ²¹ ГА РФ. Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.179об.–180об.
- ²² ГА РФ. Ф.5853.Оп.1.Д.76.Л.34–47.
- ²³ ГА РФ. Ф.5853.Оп.1.Д.34.Л.27.
- ²⁴ ГА РФ. Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.547–548.
- ²⁵ Там же. Л.546.
- ⁴ Там же. Л.542.
- ²⁷ Там же. Л.533.
- ²⁸ Там же. Л.534.
- ²⁹ ГА РФ. Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.514.
- ³⁰ Там же. Л.512,517,518.
- ³¹ ГА РФ. Ф.5853.Оп.1.Д.33.Л.33.
- ³² ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.34.Л.27.
- ³³ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.31.Л.77.
- ³⁴ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.33.Л.63.
- ³⁵ Там же.Л.35.
- ³⁶ Там же.Л.125.
- ³⁷ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.31.Л.22.
- ³⁸ Там же.Л.23.
- ³⁹ Там же.Л.43.
- ⁴⁰ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.490.
- ⁴¹ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.33.Л.65,67,126; Д.77.Л.496.
- ⁴² ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.497.
- ⁴³ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.33.Л.63.
- ⁴⁴ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.480.
- ⁴⁵ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.33.Л.23.
- ⁴⁶ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.464.
- ⁴⁷ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.33.Л.32–33.
- ⁴⁸ Там же.Л.34–35.
- ⁴⁹ Там же. Л.73.

-
- ⁵⁰ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.34.Л.104.
⁵¹ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.410,412.
⁵² Там же.Л.334.
⁵³ Там же.Л.400.
⁵⁴ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.410; Д.81.Л.35.
⁵⁵ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.33.Л.77.
⁵⁶ ГАРФ.Ф.5853.Оп.1.Д.76.Л.22,23,25.
⁵⁷ *Врангель П.Н.* Записки.Ч.2.С.102,144,161.
⁵⁸ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.35.Л.119.
⁵⁹ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.33.Л.78.
⁶⁰ Там же.Л.48.
⁶¹ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.465,469,473.
⁶² ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.34.Л.5.
⁶³ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.460–461.
⁶⁴ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.34.Л.10.
⁶⁵ Там же.Л.14.
⁶⁶ Там же.Л.14–15.
⁶⁷ Там же.Л.15.
⁶⁸ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.418.
⁶⁹ Там же.Л.402–403.
⁷⁰ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.34.Л.13; Д.77.Л.442.
⁷¹ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.177,180.
⁷² ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.34.Л.19.
⁷³ Там же.Л.23.
⁷⁴ Там же.Л.102–104.
⁷⁵ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.431.
⁷⁶ Там же.Л.403.
⁷⁷ Там же.Л.334.
⁷⁸ *Врангель П.Н.* Записки.Ч.1.С.4–5.
⁷⁹ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.185.
⁸⁰ *Врангель П.Н.* Записки.Ч.2.С.103; ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.76.Л.40.
⁸¹ *Врангель П.Н.* Записки.Ч.2.С.230; ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.76.Л.47.
⁸² ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.399.
⁸³ Там же.Л.363,442.
⁸⁴ Там же.Л.345.
⁸⁵ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.291.
⁸⁶ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.35.Л.148.
⁸⁷ Там же.Л.6.
⁸⁸ Там же.Л.180.
⁸⁹ Там же.Л.23.
⁹⁰ Там же.Л.29.
⁹¹ Там же.Л.58.
⁹² ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.177.

-
- ⁹³ Там же.Л.178.
⁹⁴ Там же.Л.152.
⁹⁵ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.35.Л.114.
⁹⁶ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.77.Л.132–133.
⁹⁷ Там же.Л.235.
⁹⁸ Там же.Л.111.
⁹⁹ Там же.Л.180–180об.
¹⁰⁰ Там же.Л.177.
¹⁰¹ Там же.
¹⁰² Там же.Л.170–172.
¹⁰³ Там же.Л.169.
¹⁰⁴ Там же.Л.334.
¹⁰⁵ Там же.Л.58.
¹⁰⁶ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.76.Л.28–29.

- ¹⁰⁷ Там же.Л.28,38.
¹⁰⁸ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.35.Л.117.
¹⁰⁹ Там же.Л.118.
¹¹⁰ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.36.Л.7.
¹¹¹ Там же.Л.71.
¹¹² ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.81.Л.6.
¹¹³ Там же.Л.8.
¹¹⁴ Там же.Л.9об.,10об.,11-13.
¹¹⁵ Там же.Л.5,6.
¹¹⁶ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.81.Л.16,20.
¹¹⁷ Там же.Л.17,20,22,35,54,75.
¹¹⁸ Там же.Л.53.
¹¹⁹ Там же.Л.33.
¹²⁰ Там же.Л.33об.
¹²¹ Там же.Л.34,35.
¹²² Там же.Л.144–156.
¹²³ Там же.Л.4об.
¹²⁴ Там же.Л.2.
¹²⁵ Там же.Л.3.

¹²⁶ Очерк печатается полностью. Автор 1-й и 2-й частей очерка – *С.В. Карпенко*, автор 3-й и 4-й частей – *Е.Б. Робкова*.

¹²⁷ *Агапеев В.П.* Убийство генерала Романовского//Белое дело. Берлин, 1927.Т.П.С.109–111,117; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Берлин,1926. Т.5.С.364; *Слободской А.* Среди эмиграции.Харьков,1925.С.81–82.

¹²⁸ *Агапеев В.П.* Указ.соч.С.111–115.

¹²⁹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота.Нью-Йорк,1954.Т.2.С.398–407.

-
- ¹³⁰ Там же.С.408.
- ¹³¹ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.2.Л.69.
- ¹³² *Агапеев В.П.* Указ.соч.С.117; *Слободской А.* Указ.соч.С.83.
- ¹³³ *Агапеев В.П.* Указ.соч.С.119; *Слободской А.* Указ.соч.С.83.
- ¹³⁴ *Агапеев В.П.* Указ.соч.С.118–119.
- ¹³⁵ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.2.Л.72.
- ¹³⁶ Там же.Л.98.
- ¹³⁷ *Слободской А.* Указ.соч.С.82 – 83.
- ¹³⁸ *Агапеев В.П.* Указ.соч.С.120; *Слободской А.* Указ.соч.С.83.
- ¹³⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты.Берлин,1926.Т.5.С.365.
- ¹⁴⁰ Последние новости(Париж).1936.9 февраля.
- ¹⁴¹ Основная часть опубликована автором настоящей части очерка в: Белое дело.М.,1996.Кн.6.Поход на Москву.С.361–364.
- ¹⁴² *Калинин И.* В стране братушек.М.,1923.С.219.
- ¹⁴³ *Оболенский В.* Крым при Врангеле.М.;Л.,1928.С.11.
- ¹⁴⁴ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Документы и материалы.М.,1998.Т.1.Кн.2.С.524.
- ¹⁴⁵ Там же.С.528–529.
- ¹⁴⁶ Там же.С.529.
- ¹⁴⁷ *Лунченков И.* За чужие грехи.Ростов-н/Д,1925.С.71.
- ¹⁴⁸ *Калинин И.* Указ.соч.С.219.
- ¹⁴⁹ *Йовков И.* Разноликая контрреволюция//Огни Болгарии.1990.№ 2.С.34.
- ¹⁵⁰ *Калинин И.* Указ.соч. С.221.
- ¹⁵¹ ГА РФ.Ф.5853.Оп.1.Д.9.Л.124.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ *Sprawa Borysa Kowerydy: Zabojsstwo posla Z.S.R.R. Piotra Wojkowa.* Warszawa,1927.S.3.
- ¹⁵⁴ *Sprawa Borysa Kowerydy... S.4.*
- ¹⁵⁵ Возрождение.1927.15 июня.
- ¹⁵⁶ Последние новости.1927.8 июня.
- ¹⁵⁷ Последние новости.1927.9 июня.
- ¹⁵⁸ Последние новости.1927.10 июня.
- ¹⁵⁹ Последние новости.1927.10 июня; 13 июня.
- ¹⁶⁰ Возрождение.1927.15 июня.
- ¹⁶¹ Последние новости.1927.9 июня.
- ¹⁶² Последние новости.1927.10 июня.
- ¹⁶³ Возрождение.1927.19 июня.
- ¹⁶⁴ Последние новости.1927.12 июня.
- ¹⁶⁵ Последние новости.1927.19 июня.
- ¹⁶⁶ Последние новости.1927.13 июня.
- ¹⁶⁷ Последние новости.1927.14 июня.
- ¹⁶⁸ Возрождение.1927.17 июня.

-
- ¹⁶⁹ *Ледницкий В.* Вокруг В.А.Маклакова//Новый журнал(Нью-Йорк).1959. Кн.LVI.C.241.
- ¹⁷⁰ Там же.С.240,242–243.
- ¹⁷¹ *Войцеховский С.Л.* Эпизоды.Лондон(Канада),1978.С.10.
- ¹⁷² *Войцеховский С.Л.* Эпизоды.С.10–11.
- ¹⁷³ Последние новости.1927.17 июня.
- ¹⁷⁴ *Sprawa Bogysa Kowerty...* S.6-7; Последние новости.1927.17 июня;
- 9 июня.
- ¹⁷⁵ Последние новости.1927.19 июня.
- ¹⁷⁶ Последние новости.1927.19 июня.
- ¹⁷⁷ *Sprawa Bogysa Kowerty...* S.11.
- ¹⁷⁸ Последние новости.1927.19 июня.
- ¹⁷⁹ Возрождение.1927.17 июня.
- ¹⁸⁰ *Sprawa Bogysa Kowerty...* S.28.
- ¹⁸¹ Возрождение.1927.21 июня.
- ¹⁸² *Sprawa Bogysa Kowerty...* S.29.
- ¹⁸³ Последние новости.1927.17 июня; 19 июня.
- ¹⁸⁴ *Sprawa Bogysa Kowerty...* S.43.
- ¹⁸⁵ *Sprawa Bogysa Kowerty...* S.52-54; Последние новости.1927.19 июня.
- ¹⁸⁶ Последние новости.1927.19 июня.
- ¹⁸⁷ Возрождение.1927.17 июня.
- ¹⁸⁸ Возрождение.1927.12 июня; *Ледницкий В.* Указ.соч.С.240.
- ¹⁸⁹ Возрождение 1927. 15 июня.
- ¹⁹⁰ Последние новости.1927.20 июня.
- ¹⁹¹ *Коверда Б.* Покушение на полпреда Войкова 7 июня 1927 года//Часовой. Брюссель,1984.№ 647.С.13-16.
- ¹⁹² Там же.С.18.
- ¹⁹³ *Войцеховский С.Л.* Эпизоды.С.18-21.
- ¹⁹⁴ *Бортневский В.* Дело Бориса Коверды//Ленинградский университет. 1990.12 октября.С.8.
- ¹⁹⁵ Последние новости.1928.8 мая.
- ¹⁹⁶ Последние новости.1928.7 мая; 10 мая.
- ¹⁹⁷ Последние новости.1928.6 мая; 7 мая.
- ¹⁹⁸ Последние новости.1928.7 мая.
- ¹⁹⁹ Последние новости.1928.10 мая.
- ²⁰⁰ Последние новости.1928.9 мая.
- ²⁰¹ Последние новости.1928.11 мая.
- ²⁰² Последние новости.1928.12 мая.
- ²⁰³ Последние новости.1928.6 июня.
- ²⁰⁴ Последние новости.1928.29 декабря.
- ²⁰⁵ Последние новости.1929.1 января.
- ²⁰⁶ *Войцеховский С.Л.* Эпизоды.С.12; Последние новости.1929.2

января.

²⁰⁷ *Войцеховский С.Л.* Эпизоды.С.14.

²⁰⁸ *Войцеховский С.Л.* Трест.Лондон(Канада),1974.С.17,41.

²⁰⁹ *Федотов Г.П.* Выстрел Горгулова//Полное собрание статей.Т.II. Россия, Европа и мы.Paris,1973.С.278–279.